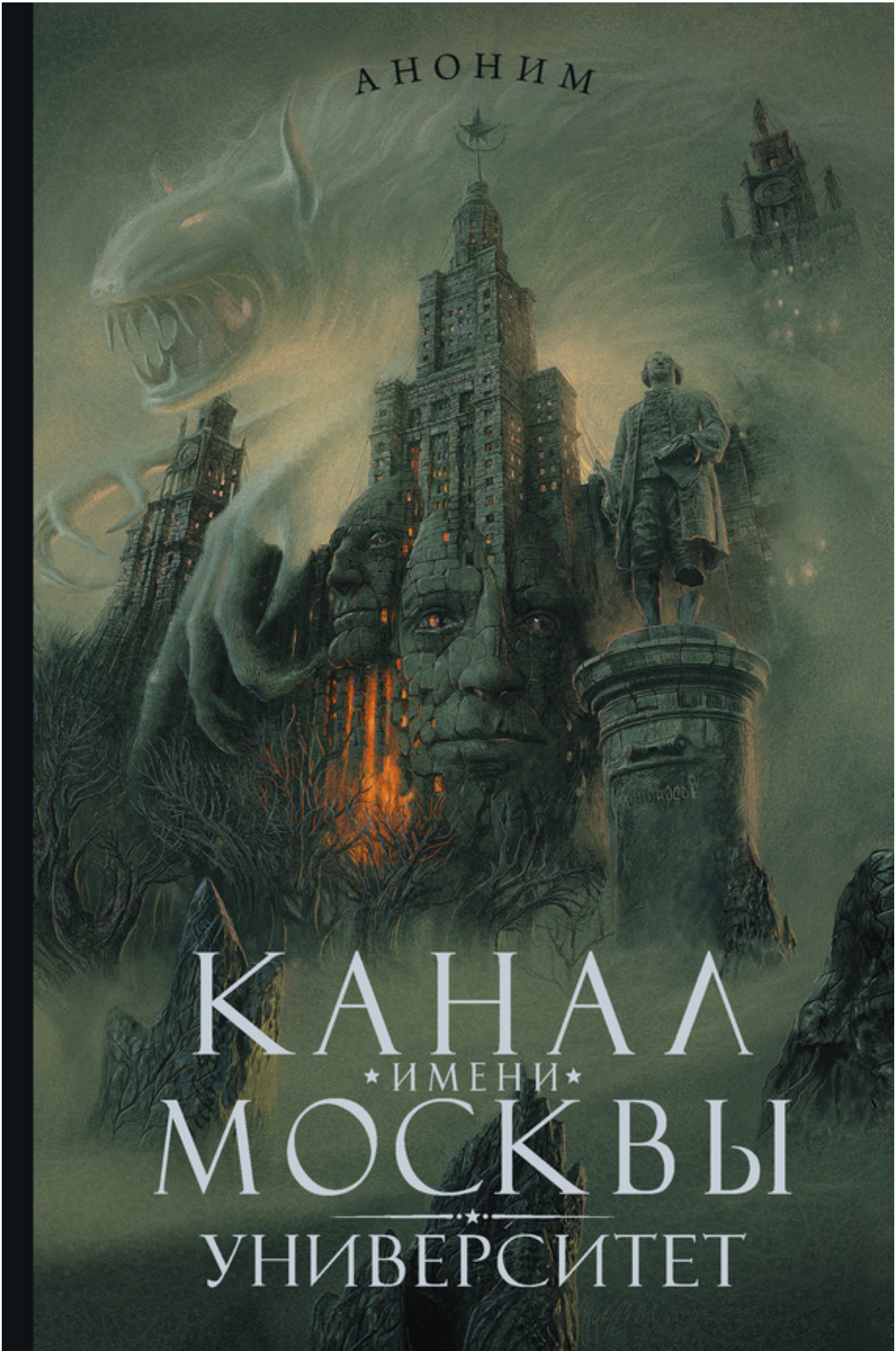
АНОНИМ
КАНАЛ
ИМЕНИ
МОСКВЫ
УНИВЕРСИТЕТ

Канал имени Москвы

Аноним

Канал имени Москвы. Университет

«Автор»
2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Аноним

Канал имени Москвы. Университет / Аноним — «Автор», 2017 — (Канал имени Москвы)

Мир пожрал туман. Движение возможно только по воде. И путешествие по каналу заканчивается в мифической Москве, великий город по-прежнему жив, хоть и стал другим. – Это невероятно… Какой же он был прекрасный, этот город… – Он и сейчас такой. Хоть кто-то и считает его лишь призраком самого себя… Мимо заброшенных небоскребов «Москва-Сити», страшной гостиницы «Украина» с «огненным окном» номера 317, по подземным рекам московского метро и измайловским пастбищам, где невероятные пастухи пасут свои зловещие стада, от Оракула Южного порта – к Великому Университету, единственной надежде нового мира. И вроде бы все загадки канала имени Москвы наконец решены. Но… Что нас ждёт в этом городе? Там, во тьме, где кто-то делает эликсир, и звучит зов московских улиц, полных неведомых и жутких чудес? И что ты знаешь о самом себе? Кто твой враг? И почему он настолько близко, что порой ты можешь видеть его отражение в мутном зеркале? Читайте третью книгу легендарной саги – последний миф нового времени.

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Аноним, 2017
© Автор, 2017

Содержание

Глава 1 7
Глава 2 17
Глава 3 27
Глава 4 39
Глава 5 47
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Аноним
Канал имени Москвы. Университет

© Аноним, 2017
© ООО «Издательство АСТ», 2017
© Оформление. ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

Глава 1
Две плотины

1

Шорох за окном повторился. Густая, плотная тьма обволокла Весёлую сторожку, как они предпочитали именовать это богом забытое место на самом юго-востоке Москвы. Здесь, после Нагатинского затона и раздольной акватории Южного порта, река делала крутой изгиб, готовясь покинуть накрытый туманом город. Сюда, на один из трёх крохотных островков между Коломенским шлюзом и Перервинской плотиной, еженедельно приходилось доставлять партии учёных: сам шлюз, беспокойная плотина и то странное, что творилось в Николо-Перервинском монастыре и на Шоссейной улице, о которой было не принято поминать без надобности. Богом забытое или богом проклятое место… Николай посмотрел на побледневшее, настороженное лицо молодого человека и подумал: «Сейчас опять начнёт заикаться».

Этот молодой, пацан ещё совсем, ждал звуков снаружи, постоянно прислушивался и поэтому боялся. Николай давно перестал прислушиваться. Коротая время перед выходом на пост, он чистил оружие; сейчас собрал и удовлетворённо передёрнул затвор. От резкого щелчка молодой человек вздрогнул, затем стыдливо отвёл взгляд.

– Эх, Алёшка, – усмехнулся Николай. – Скоро смена придёт. И поедешь домой, в альма-матер.

Сам он виноват, этот Алёшка, чего увязался за ними? Малый-то он славный, никто не спорит, любознательный, всегда подсобить старался. Говорят, в науках смышлён. Но не боец совсем с этими его врождёнными увечьями левой стороны, когда одна нога чуть короче и рука неестественно вывернута, и этим его периодическим заиканием.

«Хотя как мы зовём эту дыру Весёлой сторожкой, так и он, наверное, пытается справиться, – подумал Николай. – Как-то ему надо становиться мужчиной. А как ещё, если не попытаться взглянуть в глаза собственным страхам? Ладно, парню стоило помочь – пересилил себя, вон куда забрался! Только неясно, чего тут больше – отваги или отсутствия ума».

– Дд-а, дд-а-а я н-нормаль-ль-но, – молодой человек, Алёшка, сконфузился сильнее. Николай посмотрел на него и ничего не сказал.

«Альма-матер» – так, слегка подтрунивая над высокомерием учёных, вооружённые люди называли Великий Университет. Учёные знали это и платили в ответ той же монетой. Только вот дело в том, что в этот раз охраной учёным Петропавел определил не просто вооружённых людей, а трёх высших гидов. Значит, дело действительно дрянь.

«Смотрите в оба, следов его появления всё больше, – таков был инструктаж. – И не забывайте: людям непосвящённым распознать его практически невозможно. Эти старцы из монастыря – он может быть одним из них, ненадолго, но может, а они даже ничего и не заподозрят».

Николай ничего не забыл. Всего раз в жизни он сам столкнулся с Горхом, что называется, лицом к лицу. Давно это было, в сумерках, на гидроузле, когда пришлось спуститься к заклинившей задвижке для стока воды. Бурая пена с рёвом пробивалась из-за не полностью открытой задвижки. Ощущение угрозы накатило внезапно. Николай поднял голову. И не увидел перед собой ничего, кроме массивных направляющих вдоль бетонной стенки, густо покрытой наслоениями тины, толстых стержней с резьбой да тяжёлых накладных головок

болтов, уходящих вверх, под свод плотины. И там, в самой тьме, уставившись на Николая, горели два зеленоватых глаза.

Николай вдруг с леденящим ощущением понял, что видит перед собой вовсе не фрагменты технических сооружений, а что-то живое, и действовал молниеносно, скинув из-за спины карабин и приведя оружие к бою. Но *он* оказался быстрее. Лишь волной холодка обдало лицо, когда что-то большое мгновенно обрушилось вдоль стенки и скрылось в тёмной реке. Он не просто распластал своё длинное тело вдоль всей бетонной стены, прильнув к ней от верхнего свода до самой воды, и не просто заставил себя выглядеть как детали технических конструкций. Он сумел даже, оставаясь неподвижным, имитировать движение: Николай не забыл, как тёмная жуть колыхнулась в нём, когда он понял, что часть этого бурого пенного потока там, внизу, видимо, являлась задними конечностями затаившегося здесь существа.

Николай тогда так и не распознал, чем это было. Но прекрасно помнил, как встревожило Петропавла его сообщение. Хотя с тех пор и до начала весны нынешнего года о Горхе больше слышно не было. До той памятной встречи в сумерках Николай и сам относил его существование скорее к зловещим байкам, к мифологии канала, чем к действительности.

Только веселья на плотине и без Горха хватало. Коломенский шлюз был давно обесточен за ненадобностью, и большую часть времени он не причинял особого беспокойства. Лишь иногда, крайне редко, с ним творилось что-то неладное. Николай видел это собственными глазами и забыть не мог до сих пор. Шлюз словно проснулся посреди ночи. С глухим ворчанием заработали обесточенные моторы, мёртвые лампы начали тускло, зеленовато светиться, а затем ворота в шлюзовую камеру медленно распахнулись. Николай сумел убедить себя, что он там ничего не видел. И без призрачной тьмы, что выползала из камеры, веселухи вокруг сторожки в тот момент было предостаточно. Настолько, что у всех мужиков волосы на затылке вставали дыбом. Или старцы из монастыря – кто они? Почему уединились в месте, совсем не предназначенном для жизни? И почему их не трогает туман? И то, что есть на Шоссейной улице?! Хотя они даже не удосужились прорыть небольшой канавки вокруг монастырских стен. Лазарь как-то провёл ночь в монастыре у старцев. Вернулся бледный, молчаливый, да и седины на висках прибавилось, хотя глаза у психа – а кем же его ещё считать? – лихорадочно горели. Не нравился Николаю Лазарь – он был из той породы учёных, что ради утоления своего любопытства, сродни средневековым колдунам, был готов поставить на карту всё; такие подозрительные типы не только рискнут собой, но и подведут не за здорово живёшь. А что у них на самом деле на уме, неясно. Николай не сомневался, что Петропавел определил его сюда, в том числе, приглядеть за Лазарем. Но вот парадокс: этот молодой пацан, Алёшка, нравился он гидам, хотя нёс службу в университетской библиотеке, в отделе редкостей, где систематизировал разные диковинки и древние артефакты, собранные по всему каналу. Парень старался, и у него всегда можно было получить дельный совет, однако Алёшка явно симпатизировал Лазарю. Это нездоровое любопытство, свойственное учёным, конечно, жило в парне тоже. Петропавел знал это и даже, странным образом, поощрял, видимо, списывая на возраст; у всех в его годы пылал в груди этот огонь, только если его вовремя не обуздать, он станет ненасытным грызущим червём и когда-нибудь сослужит пацану дурную службу. Правда, учёные доверяли Алёшке, и он, с его искренней чистотой, стал как бы своеобразным мостиком между Главой учёных и Петропавлом. А ещё парень был проницательным. И хоть Николай готов держать своё мнение при себе, ещё кое-чем, чего он никогда не забудет, было замечание Алёшки по поводу монастырских старцев: мол, тут уместен вопрос не «кто они?», а «*что* они такое?»

Странный звук пришёл снаружи, трескучий и одновременно какой-то полый. И тени за узкой прорезью окошка, одетого в мощную решётку, пришли в движение. Алёшка вжал голову в плечи, потом сообразил, что все это видели.

– Мом-мм-ммо-мможет, пойти посмотреть, чч-что там? – предложил Алёшка, пытаясь не подать виду. Только заикание его опять выдало.

– Угу, – Николай иронично кивнул. – Отвага и слабоумие?!

Гиды тут же скупо усмехнулись.

– На надоело третировать парня? – пробубнил Лазарь. – Как дети малые…

Последняя фраза в его устах была эвфемизмом выражения: «как солдафоны-недоумки». Николай не возражал: они и есть солдафоны-недоумки, хотите так считать – пожалуйста; в общем-то «отвага и слабоумие» – вполне их девиз.

– Нечего там делать, – пояснил Николай и, глядя на окна-бойницы, добавил: – Сюда никакая гадость оттуда не пройдёт. Утром разберёмся, что там.

Он даже не успел договорить до конца, когда раздался глухой стук в кованую дверь. Вооружённые люди переглянулись. В сторожке внезапно стало очень тихо. Удары в дверь повторились. Это был действительно стук, кто-то требовал впустить его. Теперь учёные тоже смотрели на гидов. Всё оружие в Весёлой сторожке немедленно было приведено в положение «к бою». Металлическая дверь весила немало. И тот, кто сейчас стучал в неё, обладал нечеловеческой силой. Трескуче-полый звук, от которого теперь веяло чем-то очень тоскливым, был совсем рядом. Прямо за дверью. И снова монотонный стук.

– Он пройдёт, – вдруг с какой-то обречённостью обронил Лазарь.

«Кто?» – подумал Николай. Всегда вальяжный, полный самодовольства голос Лазаря сейчас показался каким-то больным, и Николай не сразу узнал его.

– А ну возьми себя в руки! – сказал он. Хотя с той же тёмной покорностью ему захотелось согласиться и сказать: «Он пройдёт».

Николай крепче сжал карабин и заставил свои губы перестать шевелиться. Потому что с них чуть не сорвалось: «Он пройдёт сюда. До утра ещё долго, и он не торопится. И монотонный стук, невыносимый, словно там, за дверью, пришла сама погибель, будет становиться всё более настойчивым. А потом он просто пройдёт».

2

Человек в байдарке очень спешил. Он уже прошёл Химкинское и Клязьминское моря, оставив за спиной накрытую туманом Москву. И большая волна на водохранилищах заставила его прижаться вплотную к берегу. Человека в байдарке не пугало близкое соседство тумана. То, что у него было с собой, надёжно защищало от любых непрошеных гостей, и единственной заботой теперь оставалось время. Ещё до наступления темноты он намеревался вернуться в Москву. Темнота его тоже не пугала, но до поры до времени об этом лучше особо не распространяться. Нос байдарки украшал залихватски нанесённый, несколько потёртый знак Рыбы, знак древнего доброго бога, который не смог спасти этот мир. Огнестрельное оружие в лодке также было припрятано, но гребец очень рассчитывал, что его не придётся больше пускать в дело. Вряд ли достойное занятие – проливать без надобности невинную кровь, да и выстрелов жалко. За время своего опасного пути он совершил всего лишь одну вынужденную остановку, потому что из укромной бухты, ещё до Хлебниковского затона, внезапно появились лодки кочевников. Когда-то, в беспечную пору древнего доброго бога, там находился яхт-клуб. Когда-то здесь многое было по-другому.

Большая, неопрятная, набитая всяким хламом лодка встала прямо по курсу, преграждая путь. Другие постарались отрезать возможности к отступлению. Правда, человек в байдарке не собирался отступать. «Надо же, не только луки со стрелами, – отметил он. – Где-то еще и старый дробовик раздобыли».

Это бездомное племя именовали на канале «речными скитальцами». Они притворялись миролюбивыми и при появлении Пироговских капитанов или конвоев гидов станови-

лись тише воды и ниже травы, только никто не знал, сколько тёмных делишек водилось за речными скитальцами. Человек в байдарке предпочитал несколько презрительно использовать забытое слово «цыгане».

– У меня нет на это времени, – громко окликнул он. – Я спешу. А в лодке нет ничего полезного для вас. Так что я иду с миром.

– Никуда ты не идёшь! – последовал грубый ответ. – Нет ничего – заберём лодку. Выбирай, если хочешь жить.

Человек в байдарке вздохнул. Густая мгла по обоим берегам подступала вплотную к воде. Туман, который не был туманом…

– Как же мне выбирать? – спросил он. – В лодке и есть моя жизнь. На берегу я не протяну и нескольких часов.

– А так ты не протянешь и несколько минут, – ухмыльнулся говорящий. Массивное золотое кольцо в правом ухе и красная косынка на голове, как это было принято у скитальцев, выдавали в нём капитана.

Человек в байдарке также ухмыльнулся в ответ, словно решил поддержать весёлый общий настрой.

– Ну и ладно, – сказал он.

Припрятанное в лодке оружие называлось «автомат Калашникова модернизированный», АКМ сокращённо, с очень редким на канале калибром 5,65 мм. А пули со смещённым центром тяжести, во времена доброго бога запрещённые всеми международными конвенциями, что не препятствовало их массовому производству, могли творить чудеса. Человек в байдарке быстро перевёл оружие на стрельбу одиночными, прицелился и нажал на спусковой крючок. Ухмылка даже не успела покинуть лицо капитана, когда метким выстрелом ему снесло половину черепа. Человек в байдарке перевёл рычажок на автоматический бой и дал короткую очередь по бортам. Вероятно, появились ещё жертвы, но теперь пролитую кровь нельзя считать невинной. Остальные лодки бросились врассыпную. Стрелок спрятал оружие и, как ни в чём не бывало, вновь взялся за весло.

– Месть – дело святое! – с пониманием крикнул он. И без угрозы предупредил: – Скоро пойду обратно. Вздумаете привязаться, перебью всех.

3

Теперь цель путешествия – Пироговская плотина – была близка. Конечно, звук над водой разносится на большие расстояния, но ветер был встречным, и, вероятней всего, на плотине не слышали далёких выстрелов. И всё же лучше не привлекать лишнего внимания. Сначала человек в байдарке хотел смешаться с торговым караваном, что следовал на майскую ярмарку в бухту Радости. Торговля велась прямо с лодок, выстроившихся длинными рядами, – на свою «сухопутную» территорию Пироговское братство не пускало никаких чужаков, и на несколько дней спокойная вода бухты превращалась в оживлённый городок, куда помимо купцов-негоциантов стягивалось немало подозрительных личностей. Успей человек в байдарке осуществить свой план, его «невыразительное» лицо никто бы и не вспомнил. Потом он с сожалением понял, что догнать караван уже не успевает. Одинокий гребец, утлая лодочка в опасных водах вызовут, конечно, немало вопросов. Но человек в байдарке умел оборачивать невыгодную позицию в преимущества. Никто не знал, есть ли среди Пироговских монахов, Возлюбленных братьев, шпионы Петропавла, да только в своих действиях надо исходить из предположения, что есть наверняка. Брат Дамиан, Светоч Озёрной обители, Глава братства, не доверял никому. И правильно делал. Но человек в байдарке в совершенстве овладел искусством маскировки. Молодые листья ядовитого плюща, сбрызнутые нужной водой, вызовут сильнейшую аллергию, на время изменив лицо до неузнавае-

мости. Противоядие в лодке также имелось. Неприятная, болезненная процедура, однако что ж поделать, если с «невыразительностью» в этот раз не вышло. Дозорные на плотине уже приметили появившуюся из прибрежного тумана одинокую лодку. Слухами надо управлять умело, особенно теми, что могут дойти до нужных ушей.

* * *

Совсем скоро байдарка с изображением знака Рыбы легла на обратный курс. По преданиям, был когда-то один человек, который мог совершить подобное же путешествие в течение суток. Великий Учитель гидов, основавший Орден. Скорее всего, он тоже пользовался тайными запретными путями, которые не всегда лежали на воде, а порой уводили в самое сердце пугающей, разрушенной Москвы. Те части огромного мегаполиса, что остались целы, сделались прибежищем для дичающих групп людей, связь с которыми пытался установить Великий Университет, остальной город был полон неведомой жуткой жизни. Круговой путь по петляющей Москве-реке и каналу был относительно безопасен, но долог. Правда, оставался другой путь. Древняя забытая дорога через накрытую мглой и кошмарами Москву, известная как «путь Горха». Вероятно, Учитель, великий «джедай» без страха и упрёка, – человек в байдарке усмехнулся, – не пренебрегал запретной дорогой сквозь тьму.

Гиды умело пускали пыль в глаза. И вся проблема, вынудившая совершить нынешнее опасное путешествие, заключалась в том, что, скорее всего, человек этот действительно *возвращается*. Он сумел избежать царства Харона. Уже во второй раз, хоть в подобное не верили даже самые преданные его ученики. Однако гид Хардов сумел найти и прочитать *знаки*, и Петропавел поверил, и Тихон тоже, и они смогли убедить остальных. Скрытность и безупречность, с которыми была проведена операция подготовки к встрече, вызывали лишь уважение. Хотя человек в байдарке и не сомневался, что Хардову не составит труда обвести вокруг пальца всю Дмитровскую полицию. Хотя шпионы брата Дамиана в Дмитрове и разведали, что лодка Хардова пропала с глаз и исчезла почти на месяц, не вызывало сомнений, что он появится, цел и невредим, проскользнув под носом у всех ищеек, и заветный драгоценный груз будет на месте.

«Хардов, Хардов, – весело подумал человек в байдарке. – Тебе всё моё уважение и вся моя ненависть».

– К гидам возвращается их светлый принц, – вспомнил он только что закончившийся разговор с братом Дамианом.

Лицо монаха тут же посуровело, а тёмные глаза полоснули волчьим блеском.

«Сколько в этом тщедушном теле скрытой силы и несгибаемой воли», – подумал человек в байдарке.

– Значит, всё-таки, подтвердилось? – хмуро произнёс монах.

– Да. Мальчишка из Дубны. Петропавел лично явится за ним к Тёмным шлюзам.

Наступившая тишина показалась какой-то густой, тревожной. Взгляд монаха сделался тяжёлым.

– Я должен потопить лодку Петропавла на обратном пути? – наконец спросил он.

– Эх, брат Дамиан, если бы всё было так просто, – отозвался человек в байдарке. Вздохнул. – Напротив, транспорту гидов придётся обеспечить самое безопасное возвращение. Понимаю, что это противно взглядам Светоча Озёрной обители, но придётся посодействовать.

Брат Дамиан смерил взором своего гостя, улыбнулся:

– Друг мой, твои слова тёмны для меня. Какая причина должна заставить меня испытывать расположение к нашему общему врагу?

– Объясню: причина зовётся «Ева».

Монах с той же выжидательной улыбкой посмотрел на своего гостя. Кивнул:

– Ага. Та, что поднесла Адаму запретное яблочко?

Открытая учтивая улыбка стала ответом:

– Рад видеть Светоча Озёрной обители в хорошем расположении духа. Поэтому поясню по-другому: причина называется «эликсир».

Лицо монаха тут же застыло.

– Я не забываю о нашем усердии ни на миг, – медленно сказал он. – Однако…

– Они связаны. – Его собеседник поморщился. – Брат Дамиан, в лодке гидов будет находиться ещё один пассажир. Гораздо более ценный для нас. Девушка. Из-за неё транспорт с Петропавлом и юным Учителем придётся пропустить, хотя я бы предпочёл, чтобы оба пошли на корм рыбам.

Брат Дамиан посмотрел на собеседника с каким-то новым интересом, но произнёс сухо:

– Здесь что-то личное?

– Повторю: если бы всё было так просто, – теперь гость вздохнул с усмешкой. – Я даже не видел её. Но уже люблю до беспамятства. Можно сказать, боготворю. И ты полюбишь. Думаю, это то, что мы так долго искали. Её надо доставить в Университет. Сдувать пылинки и молиться, чтобы была жива-здорова. А я уж позабочусь о встрече.

– Ты сказал, «они связаны».

Гость согласно кивнул. На мгновение его лицо потемнело:

– Девушка очень важна для нас. Для *эликсира*. – Возможно, несколько людоедский огонёк в глазах гостя брату Дамиану лишь померещился. – Придётся выбирать меньшее зло. А иначе как беспрепятственно пропустить лодку Петропавла, не вызвав подозрений, этого не сделать.

Повисло молчание. Брат Дамиан обдумывал услышанное. Усмехнулся, из горла вышел влажный хрип:

– Девушка?! Важнее этой их мерзости с *возвращениями*?..

Тут же оборвал себя, словно произнёс бестактность. А его визави весело ухмыльнулся, словно не заметил неловкости.

– О-о, брат Дамиан, очень необычная девушка, – лукаво протянул он.

– Друг мой, ты меня интригуешь или испытываешь моё терпение?

– Драгоценность! Слушай же, Светоч, я расскажу тебе *такую* историю. Уж не знаю, является ли совпадением то, что её имя Ева…

И брат Дамиан слушал. Мрачнея всё больше, слушал невероятный рассказ о любви и смерти, беспощадном могуществе невинности, о тёмном огне и чудном эликсире, переполненном всеми этими ингредиентами. За время рассказа он перебил гостя один только раз, обронив слово «бедняжка», правда, без свойственного в таких случаях сочувствия. А потом слушал дальше. И волк, таящийся в глубине взгляда Светоча Озёрной обители, жадно ловил каждое произнесённое слово.

4

Смена на Перервинскую плотину вышла из Университета сразу после восхода, и плавание выдалось относительно спокойным. Правда, в районе Нескучного сада что-то большое увязалось за лодкой, быстро спустившись к реке с косогора, да так и двигалось по набережной за транспортом гидов, ни разу полностью не показавшись из тумана. Чем оно было, определить не удалось. Но Нил-Сонов, начальник караула, приказал быть готовыми отразить нападение. Крымский мост, укутанный густой мглой, прямо по курсу претендовал на самое вероятное место атаки. Садовое кольцо вообще притягивало всякую мерзость;

там, в заброшенных автомобильных тоннелях, находилось не одно логово «москвичей», как, горько шутя, гиды Университета называли этих неведомых чудовищных порождений мглы. Однако тёплое майское солнце быстро нагревало город, вызвав активное перемещение воздушных масс, и туман стало раздувать. Даже половина Парка Горького по правому борту открылась. Мгла отступила от берега, обнажив конструкции аттракционов, которые выглядели так, как будто их построили только вчера. Там, в Парке Горького, это «что-то большое» и отстало от их лодки.

«Чёрная весна заканчивается, – подумал Нил-Сонов. – Завтра первый день лета. И это хорошо, дальше будет легче».

С начала Чёрной весны, о которой за спокойные годы успели подзабыть, аттракционы забрали из Университета двенадцать человек, но сейчас, поблёскивая на солнце, выглядели вполне себе невинно. И дьявольская приглушённая музыка, словно закрадывающаяся в вашу голову из пространства болезни или дурного сна (так же как и звуки на Метромосту, голоса, шумы призрачных поездов на станции «Воробьёвы горы»), была, к счастью, неслышна.

Как только миновали Крымский мост, задышалось веселей. Беспокойный Дом на набережной и дом Пашкова-Воланда, господствующий слева над рекой, вроде бы сейчас спали. Как и сторожевые башни Кремля. На шёпот и тревожные вздохи, гуляющие вдоль Кремлёвской стены, будто их разносит несуществующий ветерок, давно уже перестали обращать внимание. Нил-Сонов подумал, что когда-то, до начала великой эпохи Строителей канала, обмелевшую, в илистых наносах реку здесь, у Васильевского спуска, можно было перейти пешком. А ещё он подумал, что на обратном пути остров Балчуг-Болотный стоит обойти по правому, более узкому руслу, невзирая на то, что тогда от горбатых мостиков и близких берегов до тумана будет рукой подать, и невзирая на зов замоскворецких улиц, особенно тот, что приходит с Ордынки. Однако Кремль… Что-то всё же не понравилось Нилу-Сонову, когда проходили его мрачные башни с чёрными провалами бойниц, похожих на пустые глазницы. Кремль, конечно, просыпался крайне редко, но, как заметил по этому поводу Петропавел, чтобы ощутить его гнев, одного раза вполне достаточно. Лучше держаться от лиха подальше.

Чёрная весна… Но вот что удивительно: именно в эту тревожную пору беспросветного мрака, когда, казалось бы, всё висит на волоске и когда «Кая Везд», проклятый корабль, несколько раз появлялся практически под стенами Университета, пришла самая благая весть, надежду на которую гиды втайне лелеяли и в которую не смели поверить. Учитель возвращается! Никому не известный юноша из Дубны. Там, далеко на севере, за переполненными злобой Пироговскими морями и поясом пустых земель, за безысходностью Тёмных шлюзов, у самого истока канала родилась новая надежда. И Петропавел намерен лично отправиться встречать лодку с Учителем.

А ещё эта странная, таинственная девушка… Решение переправить её в Университет возникло мгновенно, когда всё совпало с Учителем. Петропавел почему-то беседовал о ней с Хайтеком, хотя её прибытие держат в секрете даже от высших гидов. На все расспросы Нил-Сонова, назначенного отвечать за её безопасность в Университете, Петропавел отвечал уклончиво: всё узнаешь в своё время. Но что-то происходило. Обычно безмятежно-приветливая улыбка Петропавла в этот раз с трудом прятала в уголке его глаз эту самую новую надежду… и новую тревогу.

– Нил, – его позвали, протянули мощный армейский бинокль. – Что-то я не вижу их лодки.

Транспорт вышел на акваторию Южного порта, хорошее, раздольное место. В случае проблем на Перервинской плотине лодка со сменой могла бросить якорь и переждать на воде. Но там сейчас Николай, в Весёлой сторожке, поэтому проблем не будет. Нил-Сонов улыбнулся, подумав о старом друге: учёные считают его неотёсанным солдафоном, но видит Бог, как же они ошибаются.

– Обычно Николай прячет лодку на острове, за притопленным буксиром, – пояснил Нил-Сонов, отказываясь от бинокля. – Там зелёнка. Плакучие ивы. Отсюда не видно.

– Судёнышко-то у них крупное…

– Николай может спрятать лодку так, что её даже с плотины будет не видно, – усмехнулся Нил-Сонов, но тепло, с плохо скрытой похвалой в адрес друга. – А себя так, что не будет видно, пока не столкнёшься лицом к лицу.

На физиономиях троих учёных, новой смены в Весёлую сторожку, появилось слегка высокомерное выражение: мол, что взять с солдафонов, хвалятся, чем могут. Однако Нил-Сонов лишь добродушно улыбнулся им. Они во всём копируют Хайтека, надменного до чванливости. Не нравится Нил-Сонову Глава учёных. И особенно его любимчик Лазарь, что находился на плотине сейчас со своими подозрительными опытами. Скользкий тип. Себе на уме и абсолютный отморозок – опасный набор качеств. Те, кто подменяет бесстрашие безответственностью, обычно долго не живут. Но миролюбивый Петропавел справедливо заметил, что мы обречены на сотрудничество, а не на взаимную подозрительность. Миролюбивый и мудрый Петропавел нашёл подход и к Хайтеку: он стал ему доверять.

5

Словно противясь любым благим вестям, Чёрная весна решила напоследок передать им свой прощальный привет. Нил-Сонов понял это ещё на подходе к Перервинской плотине. И дело даже не в том, что лодка Николая не пряталась за притопленным буксиром, – её здесь вообще обнаружить не удалось, как и присутствия каких-либо других плавсредств, – дело в другом. В этой непривычной, плохой тишине на плотине.

«Может, что-то заставило их спешно уйти?» – успела мелькнуть обнадёживающая мысль. Но Нил-Сонов уже знал, что она ошибочна. Совсем недавно он думал, что там Николай, в Весёлой сторожке, поэтому проблем не будет. Сейчас Нил-Сонов не смог бы за это поручиться.

Тяжёлая бункерная дверь сторожки была слегка приоткрыта. Но Николай не вышел их встречать, широко улыбаясь и подняв вверх большие пальцы рук (на правой палец был изувечен, но Николаю это не мешало, давно привык): всё в порядке. Потому что всё было совсем не в порядке. Тёмный, уже подсохший след вёл от бункерной двери. Недалеко, метров на двадцать, до ближайших зарослей. Алёшка лежал там, уткнувшись лицом в лужицу собственной крови. Сонную тишину на нагретой солнцем плотине нарушал лишь низкий неприятный гул. Жужжание мух – здесь всё уже давно закончилось. Однако гиды тут же рассредоточились, взяв местность вокруг и все объекты плотины под прицел. Оставшимся в лодке учёным велели отойти от берега.

Пора было входить в сторожку. Там могла ждать ловушка. Вооружённые люди обменялись короткими взглядами. Нил-Сонов знаками отдал распоряжения – буду заходить.

«Куда же могла деться лодка?» – почему-то подумал он. Мысль, конечно, теперь была ненужной: этот тошнотворно-густой запах, что сквозил из щели приоткрытой двери, ни с чем не спутать, но всё-таки…

Они вошли. И остановились.

Внутри была бойня. Им не уготовили ловушку: тварь, которая сделала это, убралась несколько часов назад. Те, кто способен на такое, несовместимы с солнечным светом. На мгновение Нил-Сонов застыл, даже отшатнулся, чувствуя спазм тошноты. Она была вызвана не видом растерзанных человеческих тел, а запахом, острым, с примесью сладковатого, губительным запахом, который сгустился до непереносимости.

Николай грузно навалился на стол, Нил-Сонов увидел, что творится с его шеей. Он шагнул вперёд, поставил оружие на предохранитель. Остальные лежали на полу сторожки,

ещё недавно земляном, но потом здесь обустроили деревянный настил. Карабин Николая оказался сломанным пополам. Один из учёных сполз с топчана, словно решил отдохнуть там, где попрохладней.

Нил-Сонов взял ладонь Николая в свою – изувеченный большой палец, который никогда не мешал открытому крепкому рукопожатию…

– Нил, – позвал его Кондрат, тот самый, что предлагал армейский бинокль. – Тут стоило бы всё подробно описать, прежде чем…

Кондрат замолчал. В принципе, он прав: пока нет доказательств обратному, они находятся на месте преступления.

– Потом опишешь, – мягко сказал ему Нил-Сонов. Собственный голос показался усталым. – Посмотри снаружи, что как, может, хоть кто-то выжил. Я… посижу здесь пока.

– Конечно, Нил, – Кондрат кивнул. И беззвучно вышел.

Кондрат был, пожалуй, самым физически сильным человеком в Университете, но двигался с лёгкостью кошки.

– Ну, вот, Николай, – шёпотом произнёс Нил-Сонов.

*** * ***

Он не знал, сколько просидел так. Вряд ли долго. А потом понял, что взгляд опять возвращается к пулевому отверстию в стене. Нил-Сонов на мгновение прикрыл глаза. Этот запах… И всё же, что он увидел? Почему в этой бойне что-то выглядело как… несоответствие? Чуть сжал пальцы, потом убрал руку с холодной ладони Николая. Они все стреляли. Деревянная обшивка сторожки изрешечена пулями. Непостижимым образом тварь, ночной гость, умудрилась открыть бункерную дверь, не сорвав её с петель. Одна из пуль застряла в глухой стене напротив. Вероятно, гость проник в сторожку очень быстро, и гид вёл огонь по нему уже от двери. Нил-Сонов открыл глаза, чуть склонил голову. Два автомата Калашникова и карабин Николая. Другого оружия в сторожке не было. И снова посмотрел на привлекшее внимание пулевое отверстие. Собственно говоря, рядом с дверью их было два.

«Надо проверить у всех магазины и пересчитать отстрелянные гильзы», – подумал Нил-Сонов. Идея была странной. А может быть…

(какое несоответствие?!)

Деревянная обшивка была довольно толстой, дальше пули должно было расплющить о бетонную стену. Но они не успели разогнаться на полную силу. Застряли в стене. Калибр входных отверстий определить, конечно, не представляется возможным, но с одним из них что-то было не так. Оно… оно…

Нил-Сонов присел на корточки. Пристально разглядывая входные отверстия в обшивке, провёл пальцем по тому, что привлекло внимание. Поймал себя на попытке мысленно реконструировать события. Обернулся. Посмотрел, где и как лежали тела. Собственно, таков был регламент – в эти тёмные времена всё может стать уликой.

«О чём я думаю? – спросил себя Нил-Сонов. – Ведь всё очевидно». Несколько часов назад их Весёлая сторожка превратилась в логово какого-то больного, поражённого безумием зверя. Это его запах висит в воздухе, смешиваясь с запахом крови и смерти. *Но думал Нил о несоответствиях*. Это входное отверстие… Пуля вошла в стену оттуда, да только рисунок, прорванная грань, расщеплённое дерево чем-то смутно отличаются. И вот эти царапины… Стены сторожки изрешечены, но с одним пулевым отверстием что-то не так.

– В нём как будто ковырялись, – внезапно произнёс Нил-Сонов. Собственный голос показался чужим.

Царапины, немного расширяющие диаметр входного отверстия. Могло это быть следами чего-то острого? Например, ножа? И… зачем? Кондрат совершенно прав. Здесь нельзя

пока ничего трогать. Однако вместо того, чтобы следовать регламенту, Нил-Сонов извлёк свой штык-нож.

Тварь проникает в Весёлую сторожку, укреплённую не хуже блок-поста, убивает трёх первоклассных гидов и ещё четырёх человек. И затем, возможно раненная, уходит, оставляя свой мерзкий запах. Да, всё так.

Штык-нож быстро наткнулся на деформированную пулю. Калибр 7,62, выпущенный из автомата Калашникова. Или карабина Николая, с этим ещё предстоит разобраться. Он положил пулю рядом и принялся за соседнее входное отверстие. Нож ушёл чуть глубже. А потом Нил-Сонов поднялся на ноги и некоторое время стоял молча.

Что это значит? Во втором отверстии пули не было. Кто-то извлёк её. Выковырял.

Краешек губы ушёл вверх, щека чуть дёрнулась. Он провёл рукой по стене, озираясь по сторонам, и снова уставился на пулевые отверстия.

«Это что-то не то, чем *кажется*?» – вдруг подумал Нил-Сонов. И тут же поморщился: это могло ничего не значить. Вообще ничего. Случайный выстрел, к примеру, и попытка скрыть следы конфуза. Выстрел, не связанный с ночными событиями.

«Неверная мысль. Всякое бывает, конечно, только первоклассные гиды обычно не палят случайно по стенам в помещении, переполненном людьми. А учёным оружие не выдаётся».

Нил-Сонов чуть склонил голову. Тяжёлая бункерная дверь цела, а лодки Николая нигде нет. Перевёл взгляд на друга, который теперь был мёртв, почему-то на его руку с изувеченным большим пальцем, которую недавно держал в своей. Тварь проникает в сторожку, убивает и уходит. Всё так. Кроме одного нюанса: кто-то ковырялся в стене. И унёс с собой пулю.

Зачем? О чём в этом месиве могла поведать маленькая пуля калибра 7,62?

– Несоответствия, – хрипло пробормотал Нил-Сонов.

Какая-то смутная тёмная мысль попыталась постучаться ему в голову, но следом он услышал взволнованный голос Кондрата:

– Нил, этот пацан, Алёшка…

– Что?!

– Живой. Состояние критическое. Не знаю, протянет ли до вечера. Но пульс прощупали.

Глаза у Нил-Сонова на мгновение сузились. Живой… Если вытянет – повезло парню. И хоть какая-то зацепка. Но… О чём он только что думал? Кроме того, что забрать их с собой не сможет; в лодке не хватит места для живой и мёртвой смены, хоронить придётся здесь… О чём?!

Он кивнул:

– Хорошо. Попытаемся довезти. Здесь парню не помочь. Получается, времени в обрез.

Нил-Сонов вышел из Весёлой строжки. Солнечный свет ослеплял. Он должен успеть что-то сделать. Что-то ещё.

Сказал:

– Но остальных надо похоронить. Со всеми почестями.

– Конечно, – откликнулся Кондрат. – И ещё, Нил. Одного найти так и не удалось.

– В смысле?

– Проверили по списку смены. Всё обыскали – нигде нет.

– Кого? – спросил Нил-Сонов чуть осипшим голосом. Почему-то подумал, что, наверное, знает ответ. Ощущение тошноты вернулось.

– Одного из учёных. – Кондрат говорил ровным голосом. – Лазаря.

Глава 2
Странная находка

1

Они стояли на корме и смотрели, как мост, очерчивающий границу негостеприимных Пироговских морей, оставался далеко позади. Гиды нарекли его «мостом Учителя», но Петропавлу не нравилось это название: к чему давать местам гибели имена тех, кто нам дорог? Да только теперь всё менялось, и это плохое, тёмное, вероятно, самое трагичное место на канале несло в себе искру новой надежды.

И всё же, что там произошло? Что именно? Ева пока не готова говорить. Так, только в самых общих фразах («Теперь всё хорошо»), хотя очевидно, что напряжение, эта сжатая пружина внутри, наконец отпустило девушку. И впервые за всё время на её щеках появился здоровый румянец.

«Она спасла нас. Я услышал её сердце. Но я вернусь за Хардовым», – вспомнились последние перед расставанием у Тёмных шлюзов слова Учителя о Еве. А когда обнял на прощание, шепнул: «Береги её. И храни тайну».

Петропавел снова бросил короткий взгляд на девушку. Только что она вновь спасла их. В отличие от команды, старый гид был уверен в этом наверняка. Он видел, как начиналось нападение, о котором предупредила Ева. Девушка не знала, что им уготовано, – лишь страх, отчаяние и ночные кошмары. А Петропавел видел, как из-за моста на них стеной надвигалась бурлящая волна черноты. Он так и не смог определить, чем оно было. Похоже на блуждающий водоворот, только старый гид знал, что это не так. И ничего подобного не встречал прежде, лишь силы заканчивались с каждым мгновением. Слышал ли он гибельный зов, который не спутать, который всегда ждал на границах тьмы? Неизвестно. Голос Евы вывел Петропавла из рокового оцепенения: «Поворачивайте немедленно! Туда нельзя!» И то, что он успел уловить в глазах девушки, оказалось красноречивей любых криков. Тут же дал команду гребцам на смену курса. Нос лодки начал отворачивать, а Ева бросилась к Петропавлу, простирая перед собой руки. Он сделал шаг к ней навстречу, потом ещё один, и вот девушка была уже совсем рядом… А потом что-то произошло. Евы перед ним не оказалось. Лишь ледяное дуновение прошло сквозь тело. Но и что-то ещё поменялось. Словно из вашей жизни похитили несколько секунд или мгновений. Ошеломлённый, Петропавел вздрогнул. Обернулся. Ева стояла на носу лодки, сосредоточенная, и на щеках её теперь играл этот самый румянец.

У Петропавла дёрнулась скула – никогда не замечал за собой подобного. Чуть запершило в горле.

– Что случилось? – хрипло произнёс он.

Надвигающейся стены тьмы прямо по курсу больше не было. Сразу же старый гид сделал ещё одно открытие: задышалось значительно легче, неимоверное напряжение вокруг таяло.

– Всё теперь хорошо, – откликнулась Ева. И улыбнулась. Кивнула, глаза её сияли. – Всё закончилось.

«Но… как?! – чуть было не воскликнул Петропавел. – Ведь только что… нападение…»

– Прошу вас. Поверьте мне, – попросила девушка. И снова эта её странно-победная, счастливая улыбка. – Всё очень хорошо.

Теперь на лице Петропавла отразилось изумление.

«Наверное, это всё последствия шока, – подумал он. Попытался улыбнуться в ответ, вышло недоверчиво. – Ладно… Мне необходима информация. Но, наверное, придётся дать ей немного времени».

– Курс прежний! – громко распорядился гид. – Возвращаемся в Великий Университет.

Вероятно, замешательство Петропавла выдало лишь это слово «Великий». Чуть более помпезное, не всегда применимое в разговорной речи. Чуть более растянувшее фразу. Ровно настолько, чтобы перевести дух.

Конечно, он ей поверит. Она говорит искренне. И кипящей волны черноты впереди больше нет. Но… действительно ли теперь всё хорошо?

2

Прошли уже Хлебниковский затон. Клязьма, а вместе с ней обжитые территории, заканчивалась. Канал делал резкий разворот к Москве, чтобы войти в город с севера. Густой туман снова обволакивал берега. И в нём темнели силуэты давно проржавевших кораблей, что спали здесь на последнем приколе. Покой и кладбищенскую тишину нарушали лишь равномерный плеск вёсел и похожий на стоны скрип судового такелажа, словно там, в тумане, умирающие корабли предавались воспоминаниям, разочарованно вздыхая и переговариваясь во сне. «Лабиринт», чем бы это ни было,

(Он был живым и… хищным!)

оставался позади, а им удалось вырваться, уйти без потерь.

– У нас в Дубне туман никогда не сползает так далеко от берега, – сказала Ева. – По-моему, он вообще предпочитает не касаться поверхности воды.

– Не стоит туда смотреть. – Петропавел накинул на плечи девушки плед, мягко отстраняя её от борта лодки. С Хлебниковского затона действительно потянуло прохладцей. – Там… Сейчас всё спокойно, но это не самое обычное место.

– Нам, наверное, надо поговорить? – тихо спросила Ева.

– Идём-ка в укрытие, – Петропавел серьёзно кивнул. – Древние леса на той стороне и накрытый мглой мёртвый город Долгопрудный – не лучшие места для любых обсуждений.

– Мёртвый город? Подобно нашей Икше?!

– Не знаю, – с сомнением отозвался Петропавел. – На канале нет похожих мест, – посмотрел девушке прямо в глаза. – Но поговорим обязательно: такие места, как этот мост, никого просто так не отпускают.

Теперь дверью в укрытие служила обычная циновка – видимо, всё плохое действительно оставалось позади. Ева чуть наклонилась вперёд и, перед тем как войти внутрь, снова бросила взгляд на затянутый туманом Хлебниковский затон.

«Я знаю, что там, – вдруг поняла Ева. – Я теперь вообще очень много знаю о Фёдоре. Там ждала смерть. *Это* случилось там. Он… умер, точнее, должен был умереть. Но им удалось выбраться. Нападение настигло их уже на мосту. И погибла эта девушка – Лия… А он вернулся. И теперь этот мост навсегда связывает нас».

Глаза девушки застыли и чуть потемнели: «Знаю, что там! “Кая Везд”, проклятый корабль, – там его логово, когда он не слоняется по каналу».

– Ева! Ну-ка, быстро заходи внутрь, – ровно повторил Петропавел.

А ей показалось, что она всё отчётливей слышит зовущие её голоса, шёпот, смех, похожий на детский, и где-то очень далеко, почти на грани восприятия – бодрую маршевую музыку. И возможно, из-за этих торжественных маршей, а может, по какой-то другой причине она внезапно вспомнила о своём несостоявшемся женихе Юрии Новикове.

– Это ненадолго. Пройдём Долгопрудный, и будешь себе спокойно греться на солнышке.

Ева вошла в укрытие, и ещё раз на короткое мгновение её глаза потемнели: «Ты теперь с ними, да, Юрий? – подумала она, не вполне отдавая себе отчёт, о чём речь. – Ты теперь с ними, хоть и здорово затаился. Но ты спешишь, и уже выдал себя. *Вам* надо… что-то успеть. Хорошо. Но я буду готова».

3

Брат Дамиан стоял на земляном валу, чуть прищурив глаза, – после приятной полутьмы Храма Лабиринта яркое солнце ослепляло. Он наблюдал, как отчалившие было корабли спешат вернуться в Пирогово. Потому что над Цитаделью и над всеми маяками братства были подняты гордые призывные флаги капитанов «Опасность миновала». Молитвы Светоча Озёрной обители были услышаны – опасность миновала. Молитвы брата Дамиана услышаны – он не только сумел отогнать Четырёх псов чёрного человека и защитить Пирогово от страшной беды – нашествия полчищ Разделённых, случилась ещё одна невероятная вещь. Только что в Храме Лабиринта в своей барке капитан Лев открыл глаза. Долгий Священный сон окончен, о чём будет объявлено с минуты на минуту. Правда, во всём Пирогово лишь брат Дамиан знает наверняка, почему это произошло. Но пока люди смотрят на него не только с благодарностью, их глаза наполнены самым настоящим благоговением. Такое будет продолжаться ещё некоторое время. Но, скорее всего, не очень долго.

«Они посмели поднять флаг над Цитаделью, – хмуро подумал брат Дамиан. – Дурной знак».

Долгие годы Цитадель была для всего братства не чем иным, как Храмом Лабиринта, и вот, не испросив разрешения, капитаны подняли над ней свой флаг. Конечно, пока ими руководила не попытка реванша, а простая радостная эйфория, сладкое упоение совместной победой. Но и такое будет продолжаться не очень долго. У людской благодарности короткий век. И когда начнётся буря, брат Дамиан должен быть на шаг впереди.

Капитан Лев пока слаб. Как он поведёт себя дальше?.. В общем-то особого секрета здесь нет. Конечно, реабилитация после долгого болезненного сна может и подзатянуться, кое-что также можно будет списать на видения, но рано или поздно всё это закончится. Любые игры с медленным отравлением, предложенные братом Зосимой, смертельно опасны. Здесь даже не надо тешить себя напрасными иллюзиями. Реабилитация закончится, и капитан Лев потребует вернуть причитающуюся ему власть. Уже вот пришла весть, что в Пирогово возвращается его дочь Аква. Девочку встретят с ликованием. Чего она наговорит, неизвестно. В любом случае, мятежа капитанов не избежать. Но немного времени всё же есть. Короткая людская благодарность и переполненные благоговением глаза – сейчас мяч всё-таки на его половине поля. И брат Дамиан намерен воспользоваться этим обстоятельством, выжать из него всё без остатка.

Буря близка. Старого, милого его сердцу Пирогово больше нет, и прошлого не вернуть. Бог из Лабиринта умер, хотя никто этого пока не понял. Светлый принц гидов заявил, что действует именем Аквы, наследницы: он где-то здесь, ещё появится, и при разборе полётов им не составит труда связать концы с концами. И в том числе выяснить тайну гибели семьи капитана Льва.

Близки потрясения, чёрный ураган несёт их… Но немножко времени есть. Сейчас паства верит ему, Светочу, потому что он брал всю их ответственность на себя. И паства поверит Светочу, который смог отвести беду, а не разоблачениям грязных завистников. В этом ещё одна из тайн человеческой природы, о которых брат Дамиан так хорошо знал. Они напуганы, он вернул им веру, которая посильней любых рациональных аргументов. Правда, у всего этого есть определённые пределы – капля точит камень. Но к тому моменту, как грянет настоящая буря, брат Дамиан намерен, выражаясь фигурально, «покинуть этот брен-

ный мир». Потому что подлинные его интересы лежали не здесь, в Пирогово, хотя оно тоже очень важно и от одной только мысли о расставании с ним разрывалось сердце, а в некоем пока таинственном «там», что открыли они с его новым деловым партнёром из Великого Университета. *Там*, где загадочный, но всё более раскрывающий свои тайны эликсир сулил невиданные перспективы. Они с новым деловым партнёром стояли на пороге грандиозных свершений. И в этом смысле Пирогово было не целью, а лишь средством, потому что они решились, дерзнули, опять же выражаясь фигурально, на «Небесное Пирогово».

Брат Дамиан неожиданно хихикнул. Потом поморгал. Слезоотделение от яркого солнца закончилось. К Светочу возвращалось прежнее состояние духа. Что же до мятежа капитанов, то у него есть корпус Стражей. Хотя мудрость правителя состоит в том, чтобы избегать всяческих расколов. Или, на худой конец, в том, чтобы остановить раскольников в ничтожном меньшинстве. А пока ему нужно время.

– Я думаю, мы сможем найти общий язык, – глухо проговорил брат Дамиан и поморщился. Человеческая природа: верность безгранична, но за определённой чертой она становится предательством. – Если капитаны проявят определённую мудрость и сговорчивость, мы найдём точки равновесия.

Светлый принц гидов и зловещая фея зачарованного леса – они сумели обыграть его с Разделёнными, раскрыв тайну книги, они убили Бога. Но не тот ли это случай, когда победитель не получает ничего? Не тот ли случай, о котором предупреждал новый деловой партнёр из Великого Университета во время своего недавнего визита?

(Светоч, по-другому не получится, тебе выбирать!)

«Как он решился на путешествие по этим водам в одиночку?! – вдруг с уважением подумал брат Дамиан. – Удивительный человек. Из Университета, через накрытую туманом Москву, полную зловещих богомерзких тайн, в Пирогово и обратно. Конечно, у него был зул, самый могущественный из всех, но всё же… Удивительный человек! И никто из самодовольной паствы Петропавла не знает, кто он».

Зловещая фея зачарованного леса, из-за которой, чего уж темнить, брат Дамиан готов был пожертвовать очень многим.

«Даже Лабиринтом», – больно резанула пугающая мысль. Впрочем, довольно скоро она перестала быть таковой. Не стоит цепляться за прошлое. Это для паствы, пусть считает, что Лабиринт ещё жив.

Ева – так её зовут. Зловещую фею, полную ведьминой любовью. Брат Дамиан уже почти обожал её.

(Девушка очень важна. И важна именно в Великом Университете. В определённый момент она укажет нам, как отыскать ключ. Возможно, он уже у неё. Оракул Южного порта говорил о ключе и о смерти. Мне пока не всё ясно. Но, думаю, речь идёт о её смерти.)

Да, это тот случай, когда проигравший всех обыграл. В его детстве Пироговские монахи рассказывали одну поучительную сказку о мухе-цокотухе по имени Ева. Потом она стала мудрой и положила начало целому роду. Удивительное совпадение. Счастливо избежав лап коварного паука, муха-цокотуха Ева нашла своего любимого, светлого принца.

Мы вырастаем. И детские сказки меняются. Не меняется только заложенная в них жестокая мудрость, так что как посмотреть…

Новый деловой партнёр из Университета даже предупредил о богомерзком месте, обрушенном мосте на границе Пирогово, где их, гидов, Учитель снова обретёт себя или что-то в этом роде. Светоч Озёрной обители поморщился… Ева не погибла, светлый принц, их Учитель, справился, сделав то, к чему только и были способны гиды – разрушать, уничтожать, лишать паству веры и эфемерной надежды на спасение. Наверное, он действовал во имя их любви – брат Дамиан странно повёл головой, как-то темно озираясь, и неожиданно

снова хихикнул, – но сохранил девушку для целей, о которых даже не догадывается. Что ж, строить в этом мире предназначено другим. Так что как посмотреть…

Брат Дамиан видел тьму у богомерзкого моста, которая поглотила лодку Петропавла. И видел, как потом тьма рассеялась. Сейчас он смотрел на широкую водную даль и уже не думал о мятеже капитанов. Там, за линией горизонта, скрылась лодка Петропавла, идущая в Великий Университет. И там начинался закат.

Беспечная муха по имени Ева избежала коварных лап и сейчас сама спешила в Великий Университет. Только сказки меняются, и счастливые финалы теперь предназначены для других.

– Тебя ждут, Ева, – сладко проговорил брат Дамиан. – Поэтому спеши, спеши…

Он ещё смотрел некоторое время, как блики летнего заката играли на поверхности воды, отражались в ней кровавым золотом.

«За чудом своей явленной красоты мир скрывает свою самую беспощадную тайну, милая Ева. Мир – это Лабиринт, его не разрушить и его не избежать. И счастливые мухи сами летят в уже сплетённые для них сети».

Брат Дамиан подумал, что на сегодня для него достаточно поэтических аллегорий. Светочу Озёрной обители пора заняться насущными делами. А их набралось немало. Брат Дамиан резко развернулся и зашагал к Пироговским причалам. Он улыбался.

4

Ева услышала трескучие звуки, как будто провели чем-то по полой трубе, когда они пересекли то, что Петропавел назвал МКАД, и вошли в Москву. Но ещё на подступах к великому городу гид остановил лодку и предложил девушке сойти на берег.

– Идём, – сказал он. – Я хочу, чтобы ты это видела. Там, у МКАД, господствующая высота. Когда-то это был огромный торговый центр, а башня – офисное здание. Что-то типа контор купцов у вас в Дмитрове, – тут же пояснил гид, прочитав в глазах девушки непонимание. – И на крыше организован дозор. Мы зовём его «Северным». Придётся немного подняться. Идём. Там сейчас безопасно.

– Сейчас?

Петропавел помолчал. Прищёлкнул языком:

– С месяц назад там кое-что произошло. Дозор пришлось эвакуировать. Думали даже его закрыть. Но потом были проведены работы по укреплению, и вахта вернулась.

Еве уже пришлось побывать на дозоре гидов («Лысый дозор», как называл его Хардов), когда они пересекали гиблые болота, что лежали по берегам Длинного бьёфа, и Хардову пришлось дать зарок, принятый у него мёртвыми. Тогда это была лишь воткнутая в вершину холма палка. Ствол дерева с прибитыми к нему поперечинами лестницы. Здесь же, как дал понять Петропавел, всё обстояло серьёзно: на Северном дозоре с редкими перерывами гиды несли вахту, от телефонной линии всё же пришлось отказаться, но голубиная почта работала исправно. Единственная транспортная артерия с северной стороны Москвы почти всегда находилась под полным и тайным контролем гидов.

В пустых помещениях торгового центра гуляло эхо, но никакого чужого присутствия Ева не почувствовала. Ей никогда не доводилось прежде бывать внутри такого огромного здания, честно говоря, она даже не догадывалась, что люди когда-то возводили такие с единственной целью – торговать. Самые большие дома, которые она видела, были постройки «Лас-Вегаса» в Яхроме, однако сейчас они казались бледной тенью в сравнении с этим гигантом.

На крышу поднималась отдельная лестница – пролёты, выход на каждый этаж рядом с шахтами мёртвых лифтов; дверь на самом верху оказалась наглухо заваренной, и к дозору

вёл люк, запирающийся тяжёлой, чуть ли не бронированной крышкой изнутри и снаружи. Петропавел постучал, крышку люка тут же подняли.

– Ты даже не спросил пароль, – с улыбкой пожурил Петропавел.

– Я давно наблюдаю за вами, – спокойно отозвался дозорный. – Днём это могли быть только вы.

Петропавел бросил на него короткий взгляд:

– Что, опять наведывались гости?

– Третьего дня как. – Дозорный хмуро посмотрел в сторону Долгопрудного. – Уже на закате стало ясно, что-то готовится… Ну и началось. Скремлинов прилично потрепало. Но две крайние ночи прошли совершенно спокойно. – Хорошая широкая улыбка преобразила его лицо. – Считали звёзды, и всё такое…

С Евой дозорный поздоровался вежливо, но не проявляя особого интереса, из чего девушка сделала два обнадёживающих вывода: дама в мужской походной одежде в Великом Университете не редкость, и главное – к её персоне не будет проявлено излишнего внимания.

А потом она поднялась в дозорную вышку и посмотрела в сторону Москвы. И у неё перехватило дух. Внизу ярко блестел на солнце туман, совершенно белый, ровный и плотный; русло канала здесь всё больше расширялось, образуя Химкинское водохранилище, лентой искрящейся синевы оно резало туман, и на весь горизонт, насколько хватало глаз, в мареве переливчатого, словно густого воздуха плыли, упираясь в небо, башни и шпили огромного города.

– Это невероятно, – прошептала Ева. Никогда в жизни она не видела такую безмерную даль, такое широкое открытое пространство. – Я даже не ожидала… Какой же он был прекрасный, этот город…

– Он и сейчас такой. Хоть кто-то и считает его лишь призраком самого себя, – странно откликнулся Петропавел. – Это Северные ворота. Красивей Москва лишь со смотровой площадки Университета. Но она намного выше. Да и сам Университет построен на Воробьёвых горах, и город словно лежит у их подножия. Тебе понравится. Ева, тебе понравится твой новый дом.

– Я… Наверное.

– По крайней мере, я сделаю всё, чтобы тебе там было хорошо. Ну вот, ты и поздоровалась с Москвой. А сейчас нам пора.

Они спустились вниз. На прощание дозорный поинтересовался:

– Ну, и как там Пироговское братство? Сложно было?

– По-разному. Но, скорее, удачно, – ответил Петропавел.

Лодка ждала их. Как и этот великий город впереди. Ева остановилась так, чтобы команда не слышала её вопроса:

– А почему он не спросил о… Фёдоре? Дозорный?

– Что-ож, – протянул Петропавел и серьёзно посмотрел на девушку. – Такую новость не утаить. Земля слухами полнится, и гиды о многом догадываются. Они ждут Учителя. Это то, чем сейчас живёт Университет. И это опасно. Поэтому пришлось немного сдвинуть сроки, несколько подправить информацию. Официально мы с Тихоном, как представителем Дмитрова, направились в Пироговское братство предложить монахам что-то типа мирного соглашения.

– Он попросил больше не называть его Учителем. И имя Тео… Фёдор.

– Я помню.

– Не всем можно доверять, да? – Ева отвела взгляд в сторону. – А… обо мне? Наверное, мне стоило бы знать. Хардов когда-то сказал, что Университет – самое безопасное место на канале.

– Так и есть, – заверил её Петропавел. – Ева, вопрос не в недоверии. А в том, что даже у стен есть уши. Об истинной цели моей миссии и о тебе наверняка знают всего несколько человек – высших учёных и высших гидов. И то, по мне, это многовато. Но так решил Совет.

«И надеюсь, это не было ошибкой», – мысленно добавил Петропавел.

Ева пошла вперёд, больше не задавая вопросов. Петропавел с улыбкой смотрел ей вслед. И Тихон, и Хардов довольно точно описали психологический портрет девушки: внутри этого вроде бы хрупкого создания скрывалась сталь, и она себя ещё проявит. Ева убрала волосы под косынку. А штаны в пятнах камуфляжа оказались ей великоваты. «У стен есть уши. Надеюсь, мы всё сделали правильно. И обладатель этих ушей рано или поздно сделает ошибку, выдав себя».

Он видел, как один из гребцов подал девушке руку и как легко Ева взошла на лодку. Старый гид больше не улыбался, и в самых уголках его глаз затаилась тревога.

5

А потом Ева услышала этот странный пустотный треск. И сперва не обратила на него внимания, решив, что ей показалось.

Как и обещал ей Петропавел, она смогла греться на солнышке, облюбовав себе место на носу и разглядывая берега, арочный мост, заваленные опоры линии электропередач, портовые краны, но прежде всего дома-башни, выступающие из тумана. В паре таких гигантов смогло бы, наверное, разместиться всё население Дубны, но о том, кто там сейчас обитал, можно было только догадываться. Лодка приближалась к помпезному строению на берегу, его украшала ажурная колоннада и широкая лестница на фронтоне, крышу венчала высокая башенка со шпилем. Но внимание Евы привлекло то, чего она никогда не видела прежде, разве что на картинках: два белых парохода, настоящих пассажирских лайнера, пришвартованных напротив. Она сосчитала палубы и поняла, что и они, эти два корабля, смогли бы принять на борт всё население Дубны и увезти куда-нибудь в счастливое место. «Вот каким был канал в эпоху древних Строителей! – подумала Ева. – Как и этот великий город, раскинувшийся от края до края».

Впрочем, здание на берегу она тоже узнала. Дома был старый иллюстрированный альбом о канале. И вот теперь всё это, пусть и укрытое туманом, она видит воочию.

– Жарковато, – поделился с ней Петропавел. – Это Северный Речной вокзал. Когда-то отсюда начинались все путешествия. Но сейчас мы предпочитаем здесь не особо задерживаться. Не ожидала, что корабли могут быть настолько большими?

Ева кивнула, не отрывая взгляда от пароходов. Великолепные красавцы, стремительная мощь, но… в них словно что-то было не так, ошибка или обман. В их неправдоподобной белизне и в ощущении вечного праздника, что они сулили, таилась какая-то червоточина. Петропавел двинулся на корму и дал указание рулевому несколько отвернуть от здания Речного вокзала, а Ева так и не смогла определить, что ей не понравилось в этих двух пароходах.

Т-рр-хх, тум-па-акк, т-рр-хх

Треск повторился. Теперь он прозвучал гораздо отчётливей. Она оглянулась. Петропавел спокойно беседовал с рулевым, все были заняты своими делами. Звук либо никто не слышал, либо на него не обратили внимания. Ева ещё подождала некоторое время, пытаясь прислушаться, потом решила, что если гиды не реагируют, то всё в порядке.

Лодка вышла на середину Химкинского водохранилища, и здесь, в безветрии, стало совсем жарко. Впереди у берега Ева увидела множество лодок и поняла, что канал дальше отворачивает вправо.

– Зайдём к скитальцам, – громко распорядился Петропавел. – Ева, пройди-ка, пожалуйста, снова в укрытие. Это ненадолго. Речные скитальцы – сложный народец. Но у их капитана передо мной должок. Не хочу, чтобы они тебя видели.

Ева не стала возражать, тем более что возникла потребность переодеться в лёгкую майку. Раздвинула циновку и, когда чуть наклонила голову, поняла, что ей не понравилось в этих белоснежных лайнерах.

«Когда-то у вас была третья сестра, так? – подумала Ева. – Такая же, не отличишь, близняшка. Пароход “Октябрьская звезда”. Никого вы не отвезёте в счастливое место. Потому что это она – ваша сестра-близняшка – теперь слоняется по каналу. Её призрак, проклятый корабль». А следующая мысль была совсем уж безумной: «А иногда вы её прячете».

* * *

Ева развязала свой вещмешок, чистая лёгкая одежда покоилась на самом дне. Грустно вздохнула и тут же улыбнулась, когда наткнулась на красное платье своей матери. То самое, в котором она пыталась танцевать тогда с Фёдором. Их единственный раз. Ева провела по платью рукой. Сердцу стало больно, и она снова вздохнула и снова улыбнулась. Снаружи доносились мужские голоса, Петропавел разговаривал с теми, кого он назвал скитальцами.

Правда, странный народец – Петропавел говорил спокойно, а быстрая речь незнакомцев казалась то ворчливой, жалостливой, то огрызающейся.

– Хорошо, и кто сейчас капитан? – сказал Петропавел. – Вот как… ладно, я плыву с вами. Без оружия.

Потом он перешёл на чужую лодку, и та отчалила. Ева вернулась к своему занятию. Видимо, чтобы добраться до необходимого, придётся всё вытряхнуть. Ну что же, давно пора перебрать вещи и сложить по новой. Небольшую постирушку она устроила, воспользовавшись стоянкой, ещё в Пирогово, об утюге, конечно, не могло быть и речи, но Ева умела сушить и складывать вещи так, что они выглядели словно поглаженными. Она извлекла все свои пожитки, разделила на кучки, потом повернула вещмешок и вытряхнула его. Что-то ещё выпало оттуда, легонько звякнув об пол. Ева с интересом присмотрелась, не сразу поняв, что это было. Потом она захлопала глазами. Тёплая улыбка исчезла, едва родившись. Из вещмешка выпало то, чего там не было и не могло быть прежде. То, что не являлось её вещью. Ева в растерянности нагнулась и подняла длинный шнурок. Повертела в руках, и её взгляд застыл. Теперь улыбка, скривившая линию рта девушки, оказалась недоумённой. Эта вещь ей никогда не принадлежала. Но она, конечно же, узнала её. Совершенно не понимая, откуда она взялась.

Это был ключ.

* * *

Это был не просто ключ.

Старинный обычай в Дубне требовал, чтобы молодые люди дарили своим избранницам замочки, ключ от которых оставляли себе. Своеобразный акт помолвки, признание в любви и серьёзности намерений. Если свадьба состоялась, то замочки закрывали навсегда, прикрепив их к резному мостику у памятника Ленину, «мостику молодожёнов», а ключики выбрасывали на дно канала. Если же помолвка расстраивалась и счастливой паре не суждено было дать обет любви и верности перед тёмной водой канала, то молодые люди просто возвращали друг другу эти потерявшие смысл символы.

Ключ, который Ева держала в руках, не выполнил своего предназначения. Помолвка расстроилась. Это был ключ Фёдора. Именно его Ева видела в «Лас-Вегасе», когда они про-

бовали впервые танцевать. Ева надела красное платье своей матери, а ключ висел у Фёдора на шее. Ключ, связывающий его с другой. Тогда Евы это не касалось, несмотря на то, что они поцеловались. Тоже впервые. Но ведь потом…

Вероника, кажется?.. Господи, да, конечно же, Вероника! Она была его девушкой; из-за неё, как он считал, Фёдор и сбежал в рейс, чтобы разбогатеть и вернуться завидным женихом. Только ведь потом… всё поменялось. Так откуда же?

Взгляд Евы потемнел:

– Она ведь плохо обошлась с ним. Вероника, – глухо произнесла Ева. – Очень дурно.

Она бросила его. Променяла на богатого купеческого сынка. Их Ева также видела в «Лас-Вегасе», абсолютно довольную собой пару, *и всё это случилось не из-за Евы.* Тогда ещё Фёдор сгоряча и с расстройства нагрубил ей. А всё, что произошло между ними, случилось потом, позже. И всё поменялось. Зачем же этот ключ? Почему?

«Ну, подожди, – мысленно остановила себя девушка. – Случайно вышло. Фёдор снял его и просто не заметил, как ключ оказался в моих вещах».

Что ж, такое бывает. Да вот только… Ева снова захлопала ресницами: в «Лас-Вегасе» ключ ещё был у Фёдора, висел на шее. А потом произошла эта невероятная перестрелка, и тот, кого она увидела в следующий раз, уже не был просто пареньком из Дубны, не был прежним Фёдором. И общего «хозяйственного пространства», чтобы перепутать вещи, у них больше не было. И значит… «Никакой путаницы, ничем случайным тут и не пахнет. Ключ в мои вещи положили намеренно».

Но… кто? Когда? И главное, зачем?

Ответ, конечно, был, и был очевиден. Только Ева всё ещё пыталась избегать его. Ответа на вопрос, как ключ оказался в её вещах.

Фёдор положил его незаметно. Больше просто некому. Но… зачем? Что он хотел сказать? Если это шутка, то очень плохая шутка. Жестокая.

«Нет. Он так не мог поступить». Но кто же тогда? Может, просто хотел, чтобы это побыло у меня?! Но это не *наша* вещь. Зачем мне ключ, связывающий его с другой? Он всё ещё не может её забыть? И…»

«Не-ет. Он бы сказал».

И когда он мог это сделать? Незаметно подбросить мне ключ? В колокольне Икши? Когда тащила его в полусознании? Или когда прощались у тёмных шлюзов?! Решил отделаться от меня? Передумал, и чтоб не объясняться?.. Нет, этого не может быть. Он бы так не поступил со мной! Ведь они виделись только что в Лабиринте. И вся нежность, и признания, и… Ведь он сказал, что любит. Зачем же тогда?

Там что-то ещё, что-то другое… Незаметно подбросить ей ключ этой самой Вероники, которая… Нет, он бы такого не сделал, не поступил бы он так. Только не Фёдор.

Но… вот же он, ключ. Ева чуть повернула руку, и ключ блеснул, словно насмешкой, горьким укором, из глубины её ладони.

Да, они виделись в Лабиринте. Только ведь «виделись» – не совсем точное определение. Это было как сон, как мечта, и…

«Ты ведь не знаешь, что видела в Лабиринте. А если это была лишь часть его, та, которая по-прежнему любит? А сам он решил… Мысль, конечно, дикая. Невероятная, но ключик-то вот он».

«Он решил отказаться от меня?»

Что-то поднялось и гнетущей занозой застряло у Евы в груди. Её любимый…

«Нет, там что-то другое. Он никогда бы… Даже думать так – низко. Что угодно, но не это. Не так».

– Не так, – горечью, хрипло сорвалось с Евиных губ.

В горле пересохло. Она крепко сжала шнурок в ладони. Пришлось кашлянуть. Потом её пальцы расслабились.

– Откуда ты взялся, ключ? – тяжёлым низким голосом произнесла Ева. – Что ты такое?

И тут же вновь услышала этот пустотный треск. Только теперь чем-то твёрдым водили не по полой трубе, а словно где-то внутри, где боль, по её готовому застыть сердцу.

Глава 3
Рыжая, неверная, влюблённая

1

Когда-то у Рыжей Анны был скремлин – забавный и очень гордый хорёк по имени Лидия. Лишь для виду Лидии обустроили клетку, довольно просторную, стоит отметить, а во время прогулок брали на поводок. Анна тогда пробавлялась танцовщицей в приграничной Икше, – «певичка», как говаривали о ней пылающие ревностью жёны многочисленных поклонников, – пока город не накрыл туман. Гиду-женщине с огненно-рыжей копной волос статус звезды местных шалманов очень даже подходил, на её выступлениях всегда были полные аншлаги. Многие состоятельные купцы специально ради неё приезжали из респектабельного Дмитрова в этот опасный город фронтиньеров и головорезов. Бывал среди них и будущий муж Анны – Сергей Петрович. Разумеется, никто из воздыхателей не догадывался об истинной природе Лидии, впрочем, как и её хозяйки, полагая хорька причудой эксцентричной красотки.

С кем делить постель в ту вроде бы беззаботную пору, Анна всегда выбирала сама. Был в числе прочих даже более или менее постоянный друг, брат по крови – гид, им было неплохо вместе, а его скремлином, – надо же случиться такому совпадению! – оказался пушистый хорёк по имени Соломон. Одно время Анна пробовала убедить себя, что это знак. Но их скремлины так по-настоящему и не поладили. В силу профессиональной специфики любовники виделись нечасто, однако на весь радостный и весёлый задор и повышенное внимание Соломона Лидия отвечала холодной вежливостью. И Рыжая Анна знала почему. Она пыталась как-то это отрегулировать, быть мягкой, нежной и заботливой, и знала, что всё это бесполезно. Нет никаких знаков, к чёрту всё! Такая история. Потому что, на самом деле, Рыжая Анна любила лишь одного человека. Ради него готова была дать от ворот поворот несчастному Соломону, послать подальше предлагавших ей купаться в роскоши дмитровских купцов и всех остальных и уйти за ним, куда бы ни позвал. Только он не звал.

Такая банальная история…

Он и сейчас её не звал. Когда ранним, прохладным из-за близости тумана утром поисковый отряд гидов начал спуск от Линии застав в Икшу. Анна не знала, каким она его найдёт. Никто не знал. В стволе её карабина покоилась серебряная пуля, и наверняка ей было известно лишь одно: сейчас он находится явно не в том состоянии, чтобы возражать ей или отвергнуть её помощь.

«Икша, – хмуро подумала Анна. – Ну, привет. Давненько не виделись».

С момента окончания своей карьеры звезды сомнительных кабаре и выгодного замужества она ни разу больше сюда не возвращалась. Некоторые странички нашей жизни мы полагаем перевёрнутыми навсегда. И ошибаемся. Она сбежала от мужа, добрейшего Сергея Петровича, от которого видела всегда только хорошее. Разбила ему сердце. Она публично разрушила лучшую для гида легенду на канале сначала «певички», а потом светской дамы, купеческой жены. И вот она снова здесь, в Икше, перерождённом городе, который накрыл туман. Анна ожидала увидеть картины разрушений, понимая, что милого воспоминаниями прошлого больше нет, но реальность оказалась куда богаче её самых смелых и зловещих фантазий.

– Рыжая, помни всё, что я тебе говорил, – негромко позвал Тихон. – Вон край, улица Победы – дальше уже территория оборотней.

Анна кивнула. Поймала себя на том, что чуть не ускорила шаг. Она торопится – и это уже ошибка. Но контроль вернулся: его инструктаж она запомнила слово в слово. Особенно про манипуляции сознанием, в чём оборотням нет равных, и про серебряную пулю для их Королевы.

– За нами следят, – прошептала Анна.

– Это ещё не следят, – мрачно усмехнулся Тихон. – Цветочки… Ладно, все знают, что делать.

Он развернулся и зашагал вперёд. Анна шла следующей, пытаясь, как и велел Тихон, ступать по его следам. Совсем скоро Рыжей Анне предстоит убедиться, насколько же Тихон оказался прав. Невзирая на ощущение злобного присутствия, что нарастало с каждым их шагом, пока всё это были только «цветочки».

«Мы уязвимы, когда боимся и когда любим, – сказал ей Тихон. – Мы ничего не можем поделать ни с тем, ни с другим. Но мы в состоянии взять это под контроль». Потом он вздохнул и, ласково посмотрев на неё, добавил: «Анна, Икша постарается нанести удар по нашему самому уязвимому месту. Это ты. Туман не упустит такой возможности. Но вот что я ещё скажу: без тебя наши шансы на успех стремительно бы приближались к нулю».

Это Рыжая Анна тоже запомнила. Несколько напоминало ловлю рыбки на живца. Он так и не позвал, а она идёт, и ничего банального в этой истории больше нет.

Группа гидов направлялась к перекрёстку на улице Победы. Там она свернёт. Чтобы уйти в самое сердце Икши, города теней, видений и чудовищных порождений мглы. Уйти в самое логово, чтобы разворошить его. Поисковая экспедиция по спасению Хардова началась.

2

«Я ведь впервые увидела его здесь», – вдруг подумала Рыжая Анна.

Это было давно. На одном из самых успешных её выступлений. Он сидел в угловой нише, наполовину укрытый тенью и единственный из мужчин не проявлял к происходящему шумного возбуждённого интереса. А ведь она исполняла свой главный хит «Чёртов ты, сероглазый король!», когда во время припева обнажала ноги – почти стриптиз. Публика визжала от восторга, но Рыжая Анна знала меру, что только подзадоривало её поклонников. Потом она встретила его в коридоре рядом со своей гримёркой и решила, что он всё-таки надумал выразить ей своё восхищение. Но он лишь равнодушно взглянул на неё, – серые глаза, и в них плавали голубые льдинки, – и прошёл мимо.

Вопреки расхожему мнению, Анну это вовсе не заинтриговало: «Тоже мне, сероглазый король!»

А наутро она увидела его в обществе самых влиятельных и рисковых купцов Дмитрова. Даже её будущий муж Сергей Петрович, как тот уверял позднее, присутствовал на этом знаменательном собрании. Анна прислушалась. Но вовсе не из-за «сероглазого короля»: речь шла о крупной контрабанде, партии редких товаров из Пироговского братства и большом количестве артефактов ушедшей эпохи. Не одну лишь Анну и не одного Тихона занимал вопрос, откуда всё это берётся в Пирогово. Обычно гиды сразу узнают друг друга, но тут всё вышло иначе.

«Так ты у нас контрабандист, сероглазик? – решила Рыжая Анна. – Занятно».

При появлении дамы – «Королева снизошла до нас!», «Богиня!», «Любезная Аннушка, целуем ручки!» – купцы галантно повскакивали со своих мест. Он тоже вынужден был подняться. Посмотрел на неё с каким-то странным любопытством. И улыбнулся. Холодный взгляд мгновенно стал другим, голубые льдинки растаяли.

«О, да мы умеем улыбаться», – весело подумала Рыжая Анна. Льдинки растаяли в каком-то пронизывающем жаре. И прежде чем осознать, что она делает, Анна улыбнулась в ответ.

– Неплохо вы отбрили вчера Барона, – неожиданно сказал он. В голосе уважение, никаких насмешек. – А выступление было чудесным.

К своему удивлению, Анна оказалась польщена, хотя давно привыкла к мужским похвалам. И даже немного смутилась. «Во как, оказывается, мы и комплименты умеем делать», – теперь подумала она.

Барон был капитаном речных скитальцев. Тёмный тип, как и всё их племя. Купцы да и самые отпетые головорезы приграничья пытались избегать лишних конфликтов с ними. О мстительности скитальцев ходили легенды одна мрачней другой: беспощадные поножовщики, умельцы наводить порчу и насылать проклятья. Анне было плевать на подобные суеверия.

– Только учтите – Барон опасен, – серьёзно добавил он. – Будьте, пожалуйста, внимательней, пока они не уберутся отсюда. Не рискуйте так больше, некоторых собак лучше не дразнить.

И опять этот пронизывающий жар, словно потаённая страсть в холодных глазах.

– Спасибо за заботу, – только и нашлась Анна. – Но я уже взрослая девочка.

И снова улыбнулась. Чёрт, она что, и вправду смущена? Своего будущего мужа, Сергея Петровича, она в то утро даже не запомнила.

* * *

В следующий раз они встретились с Хардовым только через несколько месяцев в самый разгар Чёрной весны, когда пала Икша.

3

Администратора кабаре, где выступала Анна, все называли просто Серж. Иногда «импресарио Серж». Из соображений вежливости ещё в их первую встречу Рыжая Анна попыталась выяснить его полное имя.

– Не заморачивайся, красавица, – подмигнул ей администратор. – Просто Серж. Но если захочешь сделать мне приятное, можно «импресарио Серж».

Он томно вздохнул. Анна обратила внимание, что у него подкрашены глаза. Интересно, как он тут выживает, на границе, с такими замашками? Потом он потёр переносицу. Взгляд шальной и одновременно жёсткий:

– Ну что ж, ты прошла прослушивание. Можешь вечером выходить на работу, – сказал он. И тут же кокетливо улыбнулся.

«Гид Анна, импресарио Серж, – мысленно усмехнулась она. – По-моему, мне подходит это место».

Серж не прогадал. Уже после первого выступления публика повалила на программы, где значилось имя Рыжей Анны. В Икше появилась новая звезда. И Анна не прогадала: на границе творилось много странного, и гидам требовалась информация. В Серже Анна тоже не ошиблась. Невзирая на внешность, Серж не брезговал опасной контрабандой и свои дела вёл твёрдою рукою. В Анне он души не чаял, и совсем скоро они сдружились.

– Я твой *подруг*, рыжая красавица? – хихикал Серж. – Да?!

– Да, – серьёзно отвечала Анна. – Ты мой единственный друг здесь.

– Может, замутим, совьём семейное гнёздышко? – не унимался администратор. – Обещаю изменять тебе не чаще раза в день.

– Тогда мне пришлось бы тебя пристрелить, – хрипло смеялась Анна. – И потом, ты всё равно не перестанешь подкрашивать глазки.

Кстати позже, когда Тихон попросит её войти в высшее общество Дмитрова, отпустить Лидию и жить «в миру», именно импресарио Серж познакомит Анну с будущим мужем Сергеем Петровичем. Но в тот день, о котором идёт речь, Серж оказался на волоске от гибели. Потому что нечто, с чем Рыжая Анна никогда не сталкивалась прежде, почти успело полностью забрать себе его жизнь.

4

Ничто не предвещало катастрофических перемен. Туман стоял далеко от Икши и уже много лет не двигался. На настойчивые предложения гидов укрепить город оборонительной линией и прорыть обводные рвы с водой власти средств не выделяли. Слухи с границы поступали самые разные, но к этому давно привыкли. После заката, конечно, всякое случалось, ну и нечего шляться по ночам не поймёшь где, а в Икше всё было спокойно.

Тихон так не считал. Вылазки гидов в туман становились всё чаще, и люди возвращались мрачными. Всё больше лодок стало пропадать, поиски не приносили результатов. Выше Дмитрова туман плотной завесой стоял по обоим берегам канала, так же обстояли дела по внешнему контуру Пироговских морей. Вести же из Москвы были самыми чудовищными. Анне хотелось настоящей работы, но Тихон попросил её остаться здесь и собирать информацию.

– In vino veritas, – как-то раз то ли в шутку, то ли всерьёз обронил он. – Истина в вине.

Анна кивнула. Она понимала, о чём речь и почему в числе прочих этот вопрос волновал Главу гидов. Бутылочка настоящего виноградного вина или шампанского, которым так любили пощеголять друг перед другом купцы, стоила баснословных денег. Этот товар проходил по категории «роскоши». Так же как и настоящий табак, кофе или чай, вино с огромным риском, а зачастую ценой гибели людей и лодок, доставлялось из Пироговского братства, наряду с другими артефактами Великой ушедшей эпохи. Только на канале не вызревал виноград, и, к примеру, ни на одном из островов Пирогово не росли кофейные деревья. Стоило проследить всю цепочку «пути вина». Возможно, монахи наткнулись на огромные неразграбленные склады. Тогда честь им и хвала: контрабанда гидов не касалась, всё это по части полиции. Так же возможно, происходило что-то гораздо более опасное. У Тихона имелись основания для самых серьёзных раздумий. И Рыжая Анна осталась в Икше выполнять поручения Ордена гидов и собирать информацию.

* * *

В тот день она загодя вышла к Икшинским причалам и уселась на своей любимой скамейке в тени деревьев. До заката ещё оставалось время, но причалы постепенно обезлюдели – берег канала не лучшее место, чтобы встретить темноту. А ей нравилось иногда приходить сюда ненадолго, побыть в одиночестве и посмотреть на вечереющую воду. Тем более сегодня её привычка бывать здесь несла в себе ещё и практическую пользу. Совсем скоро должна была состояться встреча с человеком Тихона. Она о нём ничего не знала, только слова пароля.

Странный, трескуче-растянутый и какой-то пустотный звук заставил Анну оглядеться по сторонам.

Хк-траамп-пакхк

В ближайших зарослях, что по косогору спускались к каналу, густели закатные тени. Из Икши доносились далёкие голоса, подвыпившие гребцы затевали бучу, но здесь… Анна

поднялась со своего места, вслушиваясь, – вроде бы всё спокойно. Был ли на самом деле этот странный звук, от которого почему-то сделалось очень тоскливо, или показалось?

– А ну покажись, чего прячешься?! – громко велела Анна. Быстро дунула на непослушную прядь волос, не сводя глаз с зарослей, но движение вроде бы не повторилось. Лишь холодок какой-то…

Хк-траамп-пакхк

Теперь это прозвучало у неё за спиной. Анна резко обернулась, впервые успев пожалеть об оружии, которое ни разу для прогулок по Икше не извлекала из тайника в своей гримёрке. Потом сердце, ухнув, забилось ровнее. Анна выдохнула и удивлённо качнула головой. На деревянном настиле причала стоял импресарио Серж.

– Фу, напугал ты меня, – облегчённо усмехнулась она.

Всплыла мутная мысль: «Однако неожиданное умение для человека, подкрашивающего глаза, так бесшумно подобраться к гиду». Анна тут же отмела её. Ей нравился Серж. Улыбнулась:

– И чего это тебе в голову-то взбрело?

Импресарио Серж стоял на причале и просто молча смотрел на неё. Было в его облике что-то отсутствующее. Особенно во взгляде. Но Серж был способен и не на такие выходки.

– Всё, хороший мальчик, шутка удалась. А теперь проваливай, – отрезала Анна. – У меня, может, тут свидание романтическое.

Серж никак не отреагировал на её реплику.

– Э-эй, ку-ку! – шутливо рассердилась Анна. – Можешь попользоваться моей тушью пока.

Серж молчал, и она добавила:

– Хорошо, попрошайка, и помадой тоже.

В глазах Сержа плеснулась какая-то темнота. Теперь она обратила внимание, что кожа его лица выглядит неправильно неподвижной, словно под ней отсутствуют мимические мышцы. И вспомнила, где видела подобную чуждую темноту – в глазах поражённых змеиным бешенством домашних животных. Анна не знала, почему оно так называлось, но несчастную скотину приходилось умерщвлять. Правда, людям змеиное бешенство не передавалось.

Он заболел чем-то? Подцепил какую-то неведомую хворь? Анне не хотелось шпионить за Сержем, хотя она с лёгкостью могла сделать это, – некоторых вещей о тех, кто вам нравится, лучше не знать, – но она всегда догадывалась, что тайные рисковые делишки заводят его за границу Пустых земель, а то и подальше.

– Серж, – тихо позвала она. – Дружище, что с тобой?

Губы Сержа разлепились, когда он еле заметно выпятил вперёд голову. Да так и застыл. С ним явно творилось что-то неладное. Рыжая Анна приняла решение быстро. Не мешкая больше, она легко справилась с невысокой изгородью, отделяющей причал, и двинулась к Сержу. Гиды знали множество обеззараживающих средств, а одно, приготовленное из слизи червя и ядовитого мха с Гиблых болот, считалось универсальным и применялось в экстренных случаях. В тайнике в гримёрке нашлось место и для него.

– Эй, ну-ка иди сюда, я позабочусь о тебе!

Запах… Его она почувствовала сразу, едва ступив на деревянный настил. Запах застоявшейся влаги с примесью не резкой пока, но сладковато-тяжёлой ноты – запах водного животного. Господи, он что, спал где-то на плотине бобров? Серж наконец прореагировал, сделав небольшой шажок в её сторону, и начал медленно, по какой-то ненормальной траектории поднимать руку. Шажок… Анна уже подошла вплотную к своему единственному в этом городе другу, когда поняла, что не так. Рука Сержа застыла на уровне её шеи, словно он указывал сам себе на что-то скрытое под её волосами, а в его глазах впервые появилась если

не осмысленность, то какая-то медленная дремучая заинтересованность, как будто слабоумный вёл сам с собой диалог, но дело было не в этом. Мокрые следы Сержа. Они вели в одном направлении – сюда, и вели от края причала, обрывающегося в воды канала.

Он вышел из воды

«Серж, он что, купался? На закате?! – успела подумать Рыжая Анна. – Нет, я бы слышала плеск и заметила его. Он, конечно, купался, но где-то далеко. А потом просто приплыл сюда, вылез из воды».

Эта дикая мысль ещё даже не сформировалась полностью, когда Серж как-то неуклюже отшатнулся от неё и опустил руку.

– Во как! Встреча двух голубков, – послышался грубый насмешливый оклик. – Зачем тебе, Рыжая, настоящий мужчина, лучше уж голубок… Так, что ли?!

Анна узнала голос. Всё ещё не сводя взгляда с несчастного Сержа, тяжело вздохнула: «Тебя только сейчас не хватало!» – подумала она. Следом тут же пришла другая мысль: «Что происходит? Второй раз за сегодняшний вечер я позволила застать себя врасплох».

– Не захотела по-хорошему – придётся по-другому. – В голосе Барона не звучало ни алчного воодушевления, ни мстительности, он говорил почти с сожалением. На своё свидание он явился в обществе троих подельников, у одного в руках был дробовик.

Анна успела заметить, что курок на старом ружье даже не взвели. Скорее подчиняясь инстинкту, она отступила от Сержа, – почему-то ей не хотелось, чтобы тот оставался за спиной, – и холодно посмотрела на Барона:

– Что же ты, такой храбрый, один-то не пришёл?

Барон молча вытащил из-за пояса опасную бритву, раскрыл её, задумчиво полюбовался лезвием и закрыл бритву.

– Они будут следующими, – кивнув на подельников, хмуро пояснил он. – Или я тебя помечу. Порежу прекрасное личико так, что тебя никто больше не пожелает. Выбирать тебе. – Вздохнул, словно с ещё большим сожалением, но потом его взгляд маслянисто блеснул, и в голосе наконец прозвучала угроза: – Барону ещё никто не отказывал!

Анна вдруг почувствовала какой-то леденящий ветерок. Но вовсе не из-за слов капитана скитальцев. Губы Сержа разомкнулись, сложились в овал, и краем глаза Анна увидела растянувшиеся ниточки слизи, а потом из чёрного отверстия рта вырвался этот трескучий звук.

Хк-траамп-пакхк

«Это Серж его издавал? – промелькнула ошеломляющая мысль. – Господи, да что с ним такое?!»

Она быстро посмотрела на импресарио, перевела взгляд на скитальцев. Леденящая волна страха отступила, и, скорее всего, теперь Анна взвешивала риски.

– Слушай, Барон, я не знаю, что с ним, с Сержем, но происходит что-то плохое. Лучше оставим всё это, – попросила она.

– Зря ты так со мной поступила. – Барон как-то простецки пожал плечами, и снова сожаление. – Но теперь уже поздно. Чем быстрее покончим с этим, тем лучше.

Он кивнул своим людям, передал ближайшему бритву, и тот тут же раскрыл её, сделал шаг в её сторону.

«Он сошёл с ума, – подумала Анна. – Он не пугает, он настроен всерьёз».

– Барон! Ты меня не слышишь?! Он болен, ему надо помочь. Слушай, прекрати. Остынь! Ну вспылили оба тогда, и ладно. – Она говорила мягко, урезонивая. – Подумай о последствиях…

– Рыжая… Гордость заставит тебя молчать, – оборвал её Барон. – Или бритва. Выбирай! Тогда мне, конечно, придётся покинуть Икшу навсегда.

Курок на дробовике наконец взвели. Анна заметила, что, в отличие от Барона, глаза его подельников горят тёмным возбуждением. А тот остановился:

– Мне жаль, что так вышло, – вдруг сказал Барон. – Правда. Ты всегда мне нравилась. Я простой человек и говорю просто. Но в нашем племени есть пословица: месть – то блюдо, которое надо подавать холодным.

И опять этот сожалеющий вздох, словно Барон не хочет, но вынужден так действовать.

«О, хрень, – мелькнуло в голове у Анны. – Он здесь не из-за меня. Не только из-за меня. Это демонстрация власти. Надо помочь ему не совершить ошибки. Надо помочь нам обоим. Но как?!»

– Не станешь сопротивляться, всё кончится быстро, – добавил Барон и двинулся к ней. Чёрная бездна ствола дробовика поднялась вслед за Бароном и остановилась на уровне её глаз, чуть поиграв, переместилась ниже. Рыжая Анна мрачно смотрела на капитана скитальцев.

«Я вырублю его. Он много крупнее, но справлюсь легко. Только от пули с такого расстояния не уклониться. Возможно, Тихон бы смог, но не я. А ведь меня предупреждали. Да ещё Серж…»

Ком подкатил к горлу Рыжей Анны. И холодок на спине. Как она неожиданно позволила зажать себя в угол? О чём думала?! Из-за Сержа?

А потом случилась ещё более невероятная вещь. Прямо за спиной человека с дробовиком поднялась тень. Хотя даже цепкий глаз Анны не обнаруживал прежде никакого другого движения. Удар был молниеносным и точным. Подельник Барона даже не успел рухнуть вниз, когда его дробовик оказался в руках незнакомца. Повёл он себя с ним довольно-таки необычным образом. Как будто это было не огнестрельное оружие вовсе, а просто палка. Быстро спустив курок, чтобы не случился самопроизвольный выстрел, он перехватил его за ствол и цевьё. Человек, которому Барон передал бритву, скорее всего вовсе не почувствовал боли. Хотя удар прикладом сломал ему нос, челюсть и, вероятно, множество лицевых костей. Анна сморгнула. Лицо третьего скитальца только что было превращено в кровавое месиво. Незнакомец просто кинул в него ружьё прикладом вперёд. Стон; Барон вздрогнул, его зрачки потемнели. Всё заняло не больше пары секунд. Анна сморгнула ещё раз.

«Барон опасен… – вспомнились слова незнакомца. – Как же ты поступаешь с теми, кого не считаешь опасным?»

Он, конечно же, не был незнакомцем. Анна усмехнулась. Серые глаза, сейчас абсолютно холодные. Он стоял, широко расставив ноги, и на нём был длинный походный плащ, полы раздвинуты в разные стороны. Мгновение назад её спаситель действовал голыми руками, теперь из-под плаща смотрел ствол автомата Калашникова. Где он его прятал прежде, на спине?

– Барон, стой! – велел он спокойно. – Стой и просто отойди в сторону.

Этот тон, как будто капитана скитальцев он просто не брал в расчёт. Непослушный локон снова упал на щёку, Анна сдула его. Этот тон, поза, распахнутые полы плаща – всё можно было принять за гротеск, если бы это не происходило всерьёз. Барон обернулся, посмотрел на то, что происходит с его людьми; он был бледен, на лбу выступили капельки пота. Но не напуган – в лицо спасителя Анны и на его оружие он посмотрел с каким-то если не вызовом, то достоинством.

– Барон, просто отойди, – повторил тот. – А то получишь пулю. Ты меня знаешь.

Капитан скитальцев скрипнул зубами, но сделал, как ему велели, и замер. А сероглазый спаситель (контрабандист?!) повёл себя ещё более странно. Ствол автомата он направил на несчастного Сержа.

– Горх, я вижу тебя, – произнёс он. – У меня здесь серебряная пуля, и ты знаешь это. Горх, отпусти человека.

Несчастный импресарио Серж пошатнулся и ответил:

– *Хк-траамп-пакхк…*

– Горх, я приказываю тебе – отпусти человека! – повторил он с нажимом.

Серж боднул головой, всё прозвучавшее было непонятным. Анна собиралась сказать, что Серж болен, и чтоб в него не тыкали стволом, но не успела. Волна ужаса словно выбралась из всех её потаённых страхов. Тьма мгновенно поднялась по фигуре импресарио Сержа. Зато Анна успела различить в этой тьме нечто немыслимое – облик Сержа…

(Он вышел из воды.)

В нём проступило что-то звериное, то ли волчье, то ли гигантская крыса; спаситель Анны прицелился, хотя это уже было не нужно – мгновенно скользнув в воду, это существо исчезло.

– Вот и хорошо, – произнёс человек в плаще и, как ни в чём не бывало, убрал оружие.

Анна вздрогнула.

– Что это было? – прошептала она.

Тот покачал головой, посмотрел на неё с неодобрением:

– Ну, и что это всё значит? – Её вопрос он, видимо, решил проигнорировать. – Рыжая Анна, допустимо ли гиду выходить на закате к каналу без оружия? Что за легкомыслие?

Лицо Анны застыло. Потом ей пришлось ещё раз сглотнуть. А её спаситель кивнул, усмехнулся:

– Хардов, – произнёс он.

– Что? – автоматически откликнулась Анна. Это было слово пароля, переданное ей Тихоном. Но человек в плаще сказал другое:

– Хардов, – повторил он. – Так меня зовут.

И тут же отвернулся от неё, посмотрел на скитальцев. В серых глазах вдруг блеснула синева выцветших джинсов, и опять в них заплясали льдинки:

– Барон, сейчас, вероятно, самые главные минуты твоей жизни. Смекаешь почему? Потому что я покупаю её, – говорил спокойно, без вызова. – Ты забудешь всё, что видел и слышал здесь. Я знаю, ваш народ не нарушает клятву на крови, и я приму её у тебя. Такой будет плата. Тогда ты и твои люди уйдёте отсюда живыми.

Рыжая Анна слушала, как заворожённая, сердце её опять забилось чаще. А Барон молчал. Но это достоинство так и не покинуло его взгляда.

«Чёрт, а он не так плох, – подумала она. – Могли бы и подружиться». И тут же списала эту мысль, как в некотором роде истеричную.

– Хардов, сколько мы знакомы? – наконец отозвался капитан скитальцев. – Ты ведь знаешь, что Барон умеет хранить тайны. И умеет быть нем, как могила. Мог бы и не позорить меня перед… женщиной.

– Сейчас она не женщина, а гид, – сухо сказал Хардов. – И дело в этом. Да, и очень красивая женщина, которую ты собирался обесчестить.

Анна услышала свой низкий грудной смешок:

– Не стоит извиняться, – сказала она. Только скорее чем Барону, это было адресовано Хардову. А тот пожал плечами и улыбнулся:

– Знаешь, Барон, а тебе сегодня повезло два раза, – заявил он. – Скорее всего, она бы убила тебя. Да что там, точно бы убила. Поверь мне. Легко!

Потом повернулся к ней:

– Идём, Анна. Надо быстро уходить отсюда.

Она молча прошла мимо Барона, даже не удостоив того презрительным взглядом. Но догнав Хардова, всё же остановилась, посмотрела на опустевший причал. И снова спросила тихо:

– Что это было?

– Беда, – ответил ей Хардов.

5

– Горх – очень древнее существо. – Хардов шёл быстро, и Анна с трудом поспевала за ним. – Возможно, он один такой остался на канале. Но Горх не смог бы появиться здесь просто так. Думаю, дни Икши сочтены.

– Но почему? Всё же спокойно.

– Затишье перед бурей. Туман, Анна. Что-то готовится. И это позволило Горху забраться так далеко. И к тебе он пришёл неспроста.

– О чём ты? Что этой… твари могло быть от меня надо? И куда мы так спешим?

– Кое-кто нуждается в нашей помощи. Возможно, ещё не поздно. Скажи, ведь он указывал тебе на шею, Горх? Вот туда, да?!

Анна потупила взор. Это был деликатный вопрос. Но Хардова, казалось, это не волновало:

– Туда. Куда тебя укусила Лидия, так?

– Ну… наверное.

– Дела обстоят ещё хуже, чем я думал, – хмуро подытожил Хардов, и Анне показалось, что он тихо, словно разговаривая сам с собой, добавил: – Кто-то делает эликсир… – Потом посмотрел на неё: – Ладно, всё, что ты собрала для Тихона, меркнет в сравнении с сегодняшним появлением Горха на причале. Но есть и хорошая новость: он выдал себя, и теперь мы знаем о нём.

– Горх, – Анна впервые попробовала это шершавое имя на вкус, и оно ей не понравилось – на языке как будто осталась прелая тьма, а сердца коснулся укол тоски. – Скажи… ведь он даже не дотронулся до меня. И не держал вовсе. А ты… Ты два раза сказал ему отпустить человека.

– А я имел в виду не тебя, – глухо произнёс Хардов.

6

Совсем скоро Анна поняла, о чём речь. Импресарио Серж лежал на полу своей комнаты без сознания. Хардов потрогал ему пульс, удовлетворённо кивнул:

– Успели. Когда Горх забирает чей-то облик, это может быть опасно для жертвы. Ещё чуть-чуть, и Серж бы погиб. А иногда этого не происходит. С Горхом много неясного. Тихон знает лучше.

Хардов влил в рот импресарио какой-то зловонной жидкости, тот дёрнул головой, закашлялся, словно его заставили выпить яду, но на щеках стал медленно появляться румянец.

– Ну, вот и хорошо, с возвращением тебя, бродяга, – сказал Хардов. Внимательно посмотрел на Сержа, тот пытался улыбнуться:

– Чувствую себя, как с самого сильного похмелья в жизни. Что со мной было?

– Кое-что, – неопределённо сказал Хардов. Перевёл взгляд на Анну. – Когда Горх поменял облик, ему и себя пришлось раскрыть. Наш бродяга оказался крепким. – Подумал. И добавил: – Серж, когда оклемаешься чуть-чуть, позволь мне ввести тебя в транс. Гипноз… Мне надо знать, что ты видел и сколько у нас времени.

7

Хардов успел только отправить сообщение Тихону, но тот был далеко. А местные власти гидам не поверили. С эвакуацией решили повременить до экстренного созыва Глав всех Гильдий Дмитровской республики. А на вторую ночь после появления Горха Анну разбудил стук в дверь.

– Туман, Рыжая, – раздался громкий голос Хардова. – Он пришёл в город. Он везде. Открой.

Анна мгновенно проснулась, впуская его в свою комнату.

– Как же так? – только и успела спросить она.

– Это Мунир, мой ворон, – Хардов говорил быстро. – Моя лодка у причалов, утром будем уходить. Здесь нам ничего не угрожает, туман пока слаб, чтобы проникнуть в помещение. Но с Икшей покончено, на улицах бойня.

В принципе, он мог этого и не говорить. Крики, душераздирающие вопли и стоны, доносящиеся снаружи, были более чем красноречивы. Рыжая Анна подошла к окну; мгла за стёклами густела, по улице полз туман, и в нём что-то было, живое, жуткое и смертельное для тех, кто сейчас оказался за стенами домов. Анна вздрогнула, повернулась, она была бледна, посмотрела на Хардова.

– Мне страшно, – тихо сказала Анна.

– Двух наших скремлинов хватит, чтобы с утра пробиться к причалам. А сейчас ложись, тебе надо выспаться.

– А… ты?

– Буду стеречь твой сон, Рыжая. – Он улыбнулся.

Мунир, который, подобно птице пирата, сидел у него на плече, вдруг легко вспорхнул и перелетел к клетке с Лидией. Та посмотрела на него без испуга, скорее с весёлым интересом.

– Видишь, – кивнул Хардов. – Всё хорошо. Ложись. А Мунир будет стеречь сон твоего хорька.

– Она… девушка, – почему-то сказала Анна. И подумала, что, наверное, слегка покраснела, и хорошо, что в слабом освещении ночной лампы он этого не видит.

– Да знаю я про тебя всё, Рыжая, – усмехнулся Хардов. – Я за тобой давно приглядываю. Засыпай.

«Что это значит: давно приглядываю?» – подумала Анна.

Но сон не шёл. Анна лежала и слушала звуки снаружи и чувствовала, как нечто чуждое словно подкрадывается к ней всё ближе. Анна открыла глаза. Хардов сидел в кресле, вытянув ноги, и спокойно смотрел на неё. На его коленях лежал автомат. Крики и вопли теперь звучали прямо под окнами. Мунир внимательно вглядывался в тьму за ними, глаза-бусинки…

Анна поднялась, подошла к Хардову.

– Не бойся ничего, – сказал ей Хардов.

– А я и не боюсь, – сказала она.

Она взяла автомат с его колен, переложила его в сторону. Он посмотрел на неё; не было никакого холода в глазах, лишь опять этот странный пронизывающий жар, который, возможно, она выдумала. Анна взяла его обеими руками за отвороты рубахи и притянула к себе. Мгновенно между ними образовалась стена, и тут же она растаяла. Она легонько коснулась его губ своими, он не ответил. Анна отстранилась, вглядываясь в его лицо. А потом был очень долгий и очень горячий поцелуй. Он крепко обнял её, она тихо застонала.

– Зачем мы это делаем? – Его голос был хриплым и нежным. Ей было всё равно, что он говорит, но она ответила:

– Потому что хотим.

Он поднял её на руки и что-то ещё сказал. Она закрыла глаза. Вкус его губ изменился, теперь он целовал её. Эта ночь за окном больше не казалась такой страшной.

8

Она проснулась. Хардов стоял у окна и вглядывался в тающие сумерки рассвета. Лишь лёгкая дымка ползла там, и сквозь неё можно было различить стену дома напротив.

– Туман ослаб. Видимо, следующий натиск будет к закату. Через час уходим.

– А доброе утро? – сказала она.

– Это и есть «доброе утро», – улыбнулся Хардов. И перевёл взгляд на столик, где стояла клетка с Лидией. Усмехнулся, покачал головой.

Мунир сидел, как чёрное каменное изваяние, лишь чуть распустив крылья. А хорёк Лидия спала, обернувшись вокруг него. Анна поймала взгляд Хардова, и они весело рассмеялись друг другу. Первый солнечный лучик проник в комнату. От звука их голосов Лидия проснулась и сладко зевнула.

Анна быстро провела языком по верхней губе. Сказала так же весело:

– Они понравились друг дружке.

– Да.

– А мы?

Хардов посмотрел на неё. Сказал:

– Собирайся. Пора. Бери только самое необходимое.

– Не хочешь отвечать?

Хардов отвернулся. Но она что-то успела уловить. Что теперь было в его взгляде? Нежность, остатки этого жара, который она выдумала, но и что-то ещё, какая-то отстранённость.

– Сейчас время уходить, Анна.

Мунир не пошевелился. Но она видела, с каким отчаянием Лидия посмотрела на ворона. Это станет матрицей всех их дальнейших отношений.

9

– Господи, мясорубка, – с тихим стоном произнесла Рыжая Анна, когда они оказались на улице.

– Не смотри, – сказал ей Хардов.

Их оружие было готово к бою, как и оба скремлина. Клетку Лидии Анна навсегда оставила в своей комнате.

– Нам надо забрать Сержа, – попросила она.

– В этом нет необходимости. Он в моей лодке и под надёжной защитой, – пояснил Хардов. – Когда всё началось, ему стало хуже. И он сам явился. Давно нам помогает. Хорошо, что успел. А я пошёл за тобой.

– Спасибо тебе, – сказала она. В сердце почему-то возникла боль. Но ведь он прав, о чём она думает? Им сейчас надо выжить.

– Анна…

– Не надо ничего говорить, – вдруг сказала она, явно опережая события.

Он пожал плечами:

– Я только к тому… будь наготове.

Но ни оружие, ни тем более скремлины им не понадобились. Туман, завершив своё ночное пиршество, действительно ослаб. На причале столпились люди. Некоторые находились в прострации. Гиды помогали тем, к кому смогли успеть.

Гид на лодке Хардова, хотя, возможно, это были нанятые гребцы, тут же отдал швартовый.

– Давай возьмём с собой кого-то из этих несчастных, – словно в отчаянии сказала она.

– Нет, Анна, это замедлит ход. Им помогут. А у нас впереди много срочных решений.

10

Лодка покидала Икшу. За их спиной оставался кошмар. Но подлинный кошмар Рыжая Анна увидит спустя много лет, когда вернётся в Икшу на выручку Хардову. Но к тому времени она уже будет знать о Лии. И о том, как та погибла, сорвавшись вместе с Учителем с моста.

А сейчас Хардов смотрел на умирающий город, и в его глазах, не в серых почему-то, а словно в них застряли кусочки утреннего неба, плавали льдинки.

– Это был мой дом, – произнесла Анна.

Хардов кивнул. Льдинки никуда не исчезли. Горечь колыхнулась внутри Анны. Но она не знала наверняка почему: из-за Икши или этого холода в его глазах.

Она поднялась. Подошла к нему вплотную. Гребцы работали вёслами очень быстро. Чуть отвела волосы от шеи.

– Вот сюда. Сюда меня укусила Лидия.

– Я знаю.

– Ты… – печально рассмеялась. – Ты тогда сказал, что дела ещё хуже, чем думал.

– Это так.

– И ещё… Мне показалось, про какой-то… *эликсир*. При чём тут мой укус?

– Не могу тебе сказать. Не имею права.

– Да? А мне кажется, я имею право знать.

– У тебя нет доступа к этой информации. Хочешь, поговори с Тихоном.

Он сидел, а Анна нависла над ним:

– При чём тут укус моего скремлина?! – Голос прозвучал болезненно и громко.

– Поговори с Тихоном. – Хардов посмотрел на неё с той же непроницаемой холодностью. – Это в его компетенции.

Она наклонилась к нему и прошептала:

– Не ври, я видела, как Мунир спал с Лидией.

– А я и не вру, Анна. И Мунир не врёт, – сказал он.

Глава 4
Раджа и Лидия

1

Именно это вспомнила Рыжая Анна, когда с группой гидов Тихона спустилась с Линии застав в Икшу, ставшую городом теней и видений. Она ещё думала про их первую с Хардовым ночь и про то, что с момента замужества её скремлин-хорёк жил свободным, и она больше не видела Лидию, когда услышала громкий окрик Тихона:

– Анна, приготовься! Она выходит прямо на тебя.

Гиды растянулись двойной цепью, прикрывая друг друга, у всех, кроме Анны и Тихона, были свои скремлины, а вокруг в листве горели глаза оборотней. Как же всё-таки они умели внезапно появляться. Об этом тоже предупреждал Тихон. Целая стая брала их в кольцо. Как на инструктаже пояснил Глава гидов – проверенный способ охоты этих тварей. Они просто умели исчезать из вашего сознания, становиться «невидимыми», пока не оказывалось слишком поздно. У проклятых манипуляторов с маскировкой дела обстояли отлично. И пока ничего, кроме этих горящих глаз, различить не представлялось возможным. Рыжая Анна дёрнула головой, словно чья-то невидимая рука попыталась накинуть тень на её сознание.

«Ну вот, сеанс манипуляции начался», – успела подумать Анна. А потом она увидела её – их Королеву. Огромный, необычайных размеров чёрный волк, с лёгкой, отливающей благородством проседью, смотрел прямо ей в глаза.

– Красивый ты зверь, – жёстко процедила Анна.

Пасть не оскалена, лишь тёмный немигающий взгляд, завораживающий тоннель тьмы.

– Нет времени, сразу серебряные пули, – скомандовал Тихон.

Анна молниеносно передёрнула затвор; в замужестве, изображая в Дмитрове верную купеческую жену, она частенько спускалась в подвал, откуда не было слышно, и в темноте на ощупь собирала и разбирала оружие. Пуля только что была дослана в патронник. Волк находился на линии огня, но почему-то не атаковал. И было что-то ещё… Анна прицелилась, но было что-то ещё.

(хлопанье крыльев?)

Волк вдруг начал подниматься на задние лапы. Анна мешкала долю секунды. Не только хлопанье крыльев, что-то ещё… Она снова дёрнула головой. Привычно подула на прядку волос, что непокорно выбилась из-под обруча. Волк стоял перед ней. И у Анны сжалось сердце. Тут же всякие мысли, оттуда, из тени, смутили её решимость. Мысли теснятся, набегая одна на другую… Как на причале, внутри импресарио Сержа проступили очертания чудовищной твари. И как Хардов впервые поцеловал её…

Сейчас происходило то же самое, как и с этим древним Горхом в Икше, только в обратном порядке. Сквозь облик чудовищного волка проступили черты её парня с вороном, и даже распахнутые полы плаща, которые она видела когда-то. Он сейчас стоял перед ней, тот, кого она явилась спасать.

– Анна, стреляй!

Она снова прицелилась. И снова медлила не дольше доли секунды. Ведь Тихон предупреждал, как всё будет, и, возможно, ей «покажут» Хардова, потому что именно она – их уязвимое звено. Указательный палец лёг на спусковой крючок. Решимость вернулась. Она больше никому не позволит себя обмануть. Только это чёртово хлопанье крыльев… И то нежное, непереносимо нежное, что она увидела сейчас своим внутренним зрением: как

Лидия спала, обвившись вокруг ворона Мунира. Откуда они, твари мёртвой Икши, могли узнать об этом?

(Могли! Это всё внутри твоей головы.)

Картинку – да! Но нежность, разрывающую сердце… Мгновенно стало сухо в горле – это почти стыдливое желание не отпускать эту нежность, побыть ещё в ней хоть немного, потому что она так по этому тоскует…

Какие же они безжалостные твари! Её палец начал давить на спусковой крючок. А что, если?.. Если… И не у кого спросить.

– Стре… – Голос Тихона звучал сбоку.

На миг Рыжая Анна прикрыла глаза. Ей есть кого спросить. И всегда было. И когда этот миг закончился, и Тихон договорил слово «стреляй!», она всё услышала внутри себя. И уже всё знала. Это был он, Хардов. Её парень с вороном.

(Нет! Тихон предупреждал тебя.)

Это был Хардов, тот, кого она всегда любила и кто не позвал её с собой. Он стал их Королевой. Ушёл за край света и заделался Королевой оборотней. Она бы не позволила ему никогда, если бы была рядом… Это был он. И он не нападал.

– Стреляй, Анна. Хорошо, отойди. В сторону! Я сам.

Тихон уже занимал её линию ведения огня. И впервые она поняла, что готова помешать ему. Впервые поняла, что в состоянии любым, даже самым беспощадным способом помешать своему наставнику. Не знала, как это сделает, как предаст клятву гидов. Рыжая, не верная, влюблённая…

А потом они все, и Анна тоже, услышали громкий голос, холодный, даже зловещий в своём спокойствии женский голос:

– Стоять! Первому, кто попытается в него выстрелить, я снесу череп. Я не шучу. Хотите попробовать, Тихон?!

2

А на рассвете этого дня Раз-Два-Сникерс покинула своё убежище в колокольне Икши. Как и предсказала Лия, оборотни, разделавшись с тенями, отступили; пока Хардов, убивший двух их Королев и сам занявший место новой Королевы, потому что получил их силу, смог увести стаю. Но такое будет продолжаться недолго. Человек в нём всё больше уходил, и Королева повела оборотней защищать их территорию от вторгшихся чужаков. Только в Икше и без оборотней было полно особых прелестей. Мёртвый для людей город жил своей неведомой, жуткой жизнью. С тенями она уже успела познакомиться. Нельзя сказать, что знакомство было приятным.

Раз-Два-Сникерс смотрела на лежащую перед ней дымку тумана, а дальше мгла густела.

– Раджа! – негромко позвала она.

Горлица тут же откликнулась весёлым курлыканьем. Голубка спасла её от смерти. И Раз-Два-Сникерс помнила всё, что сказала Лия прямо перед самым рассветом. Что они теперь тоже контур, как у оборотней, и она должна защитить свой контур. В нём Хардов, и она, в нём Рыжая Анна, что идёт сейчас сюда с гидами Тихона, потому что должна занять в сердце Хардова место Лии, и только это даст ему спасение. Фёдор и эта невероятная девушка Ева. И кто-то ещё. Лия пока не видела его, но этого «кого-то ещё» здесь нет. И Лия пока не знала, как всё произойдёт, но выбраться они смогут только все вместе. Куда? Каким образом? Фёдор и Ева далеко отсюда, и неизвестно, вместе ли сейчас, а они здесь. Как контур будет собран? Этого Лия тоже не знала. Но Раз-Два-Сникерс догадывалась, что Лии, светлой королеве её детства, предстоит отпустить Хардова навсегда и, возможно, исчезнуть самой,

потому что только благодаря ему и, возможно, Фёдору, с которым она погибла, Лия всё ещё находится здесь.

– Мать твою, как всё запутано, – горько рассмеялась Раз-Два-Сникерс. Раджа тут же ответила своим весёлым курлыканьем. Голубка сидела на ветке ближайшего дерева и, наклонив головку, смотрела на неё. Снова этот чистый, ласковый и сострадательный свет, льющийся из её глаз…

– Чего тебе, бестолковая птичка? – хмыкнула Раз-Два-Сникерс. – И я тоже? Так?! Я тоже должна отпустить Лию?

Радостно захлопав крыльями, Раджа тут же вспорхнула, описав вокруг неё круг.

– Лучше б ты научилась разговаривать, – укорила её Раз-Два-Сникерс. – Если такая умная.

Раджа… Почему Лия сказала, что она, видимо, хочет стать моим скремлином? И более важный вопрос: почему кажется, что мне знакомо это имя? Откуда? Что оно для меня, что скрывает память?! И откуда страх, тьма и печаль, когда я думаю об этом? И уверенность, что Раджа очень важна для меня? Чего я не знаю или не помню? Град вопросов. Но ведь не было у меня никогда никакой горлицы Раджи. Ни в детстве, ни потом, когда связалась с чёрными гидами Шатуна и влюбилась в него, как последняя дура. Сейчас уже можно так сказать, когда её полюбовничек пытался её убить, а она спалила ему мозги,

(возможно, таким образом ты спасла его)

но где были прежде её глаза?.. Им было хорошо и свободно вместе, и чёрные гиды беспрекословно подчинялись ей, амазоночке и главной охотнице шефа, когда Шатун отбывал в свои странные и затейливые «экспедиции», но где были её глаза?!

Она осознала, что прежде всего является гидом, и за это их братство готова была умереть, и сейчас обязана защищать контур, а чёрные гиды Шатуна остались в прошлом. Но не всё так просто в Икше, городе теней и видений, и не всё так просто в этом мире. Юрий Новиков приходил к ней в горячечных снах в колокольне, и Лия указала на него, но почему Юрий, этот недоносок и маменькин сынок, сейчас считает себя Шатуном? Эти ребята просто так не остановятся. Не отступятся. И возможно, Икша, город видений, показала против их воли что-то жуткое, что сейчас происходит.

– Выходит, ты, кошмарный городишко, помог мне? – сказала Раз-Два-Сникерс. – Что ж, так держать!

Её голос потонул во мгле, что лежала впереди. А сама она не заметила, как наступила на ветку, и та треснула с сухим тревожным звуком, как будто кто-то сломал грифельный карандаш. Но Раджа уже вернулась, и стало легче.

– Что ж, глупая птичка, – улыбнулась ей Раз-Два-Сникерс. – Идём. Нас ждут. Я знаю, что ты хочешь помочь мне. Но ты не хочешь быть моим скремлином. И самое печальное, что мне неизвестно, откуда я это знаю.

Раз-Два-Сникерс подумала, что стала очень много говорить. Нервы. И что в этой печальной неизвестности скрыта какая-то дикая, пугающая её тайна.

3

Она остановилась перед самой полоской тумана и тихо позвала Раджу, которая с каким-то нелепым воодушевлением влетела во мглу.

– Эй, глупая птичка! Я не могу без тебя туда идти.

От тумана веяло холодом, хотя вовсю занимался яркий солнечный день.

Будет жарковато. У неё оставались две серебряные пули, но ей не хотелось тратить такую драгоценность. С помощью Раджи она и так сможет пройти туман, отделяющий её от гидов Тихона.

И надо торопиться, пока не произошла встреча оборотней с людьми, Хардова с теми, кто пришёл его спасать. К счастью, глупая птичка вернулась, и всё вокруг залилось её курлыканьем.

– Ну и назойливая же у меня помощница, – пробурчала Раз-Два-Сникерс. – И чему ты так радуешься?

Скремлин снова присел на ветку ближайшего дерева и прислушался к звукам тумана. Тихое шуршание, звуки несуществующих голосов, вздохи разочарований тех, кого уже давно нет на этой земле, злобные призраки тех, кто уже давно бы растворился в небытие, если бы не туман, которому известно о наших страхах и наших надеждах то, что мы сами не знаем.

– Что-то я, правда, слишком много говорю, а, Раджа? – произнесла Раз-Два-Сникерс. Та не откликнулась. И впервые в облике птицы, сидящей на ветке, было что-то торжественное и печальное одновременно. – Ты права, нам пора. Мне страшно, а тебе страшно за меня. Что ж, пока ты мой скремлин. И спасибо на этом.

Раджа посмотрела на неё, и откуда-то из далёкого далека внутри Раз-Два-Сникерс всплыл голос: «Неужели ты так ничего и не понимаешь?»

Это Икша играла с ней. Или ещё что-то более чудовищное, о чём она не знала. Раз-Два-Сникерс вошла в туман.

4

Раджа оставалась рядом. Кружила вокруг неё, ненадолго скрываясь во мгле, не такой уж густой, сонной, коли на то уж пошло, если, конечно, она не притворялась.

А потом она увидела перед собой стену плотного тумана. И в нём лица, множество лиц. Как посмертные маски, только они были живыми и смотрели на неё. Особенно одно, его невозможно было не узнать. Оно смотрело на неё с болью и печалью и словно из какого-то невероятно далёкого места, за миллионы световых лет. Это было её лицо. Лицо Раз-Два-Сникерс, и в этой окутанной болью печали тоже присутствовало что-то тихое и торжественное. Вдруг Раджа пролетела сквозь эту стену с лицами, и та исчезла, но предварительно на миг в месте соприкосновения горлицы и тумана случилась ещё одна метаморфоза. Мимо прошла большая собака, несчастный тоскливый пёс, который всё потерял. И словно эта сиротливая немота на тот же миг отступила и дохнула на неё голосами тех, кого она должна была узнать и не узнавала. Раз-Два-Сникерс решила не экономить. Резко передёрнув затвор, она вогнала в ствол серебряную пулю.

– Хватит играть со мной! – Её голос был полон самообладания и ярости. И всё тут же как будто отступило. – Что, ты тоже знаешь про серебро? – обратилась Раз-Два-Сникерс неизвестно к кому. Чуть подождала и сказала: – Идём, Раджа, вперёд.

По её прикидкам, она прошла уже достаточно, и вроде бы мгла впереди начала потихоньку рассеиваться. А потом она поняла, что туман вокруг полон оборотнями.

5

Но ни одна из тварей не обратила на неё внимания, словно её здесь нет. Быстрыми прыжками, опережая Раз-Два-Сникерс, они двигались сквозь туман. И она поняла куда. Королева вела стаю, вела свой временный контур защищать территорию. Атака оборотней на гидов Тихона началась.

«Хардов, – подумала Раз-Два-Сникерс, – хоть ты и ненавидел меня, я поклялась Лии, что вытяну тебя из этого контура. Потому что, старый друг, у тебя теперь совсем другие

задачи. Хватит быть псиной, у тебя теперь свой контур. И если уж на то пошло, ты мне всегда нравился, хоть и гнал меня вечно».

Впереди и вправду стал появляться просвет. Какая-то мерзкая скользкая тварь, не крупнее кошки, зашипела на неё, но Радже оказалось достаточным пролететь рядом, обдав её взмахами крыльев, и та заковыляла прочь, в туман. Раз-Два-Сникерс ускорила шаг. Если Хардов получит серебряную пулю, это его убьёт. Он умрёт человеком, но контур развалится, и тогда… Что?! Она этого не знала. Но сейчас не время вопросов, оно придёт позже, а сейчас пора действовать.

Туман кончился внезапно. И она оказалась в густых, буйных зарослях неведомых ей растений. Одно из них потянулось к открытой части её кожи, Раз-Два-Сникерс отмахнулась от него и получила сильнейший ожог боковой части ладони.

– Чёрт, – выругалась она. – Как больно.

Икша и здесь поработала, даже над лесом. Раз-Два-Сникерс слышала о хищных растениях, которые в состоянии крепко опутать и медленно сожрать целого оленя, но полагала всё это выдумками. Сейчас она решила, что нужно идти по протоптанному следу оборотней. Выбрав самый крупный из них, она подумала, что, вполне возможно, это след Хардова, их мощной Королевы. И тогда он выведет её прямо к нему.

– Раджа, – прошептала Раз-Два-Сникерс. – Пойдём здесь. – Провела рукой по сторонам. – Растения, понимаешь? Растения, ты знаешь, какие из них опасны.

Голубка закурлыкала, облетев вокруг неё.

– Нет, Раджа, растения.

Но горлица уже порхала по протоптанному следу, делая небольшие зигзаги. Раз-Два-Сникерс быстро двинулась за птицей, та явно тоже спешила, словно знала, что времени в обрез. Пару раз пришлось перебираться через поваленные деревья, но Раджа показывала ей, где в скоплении веток безопасный проход. А потом лес также внезапно кончился. И следующий шаг дался Раз-Два-Сникерс не без труда. Оборотни, замерев, смотрели на чужаков. Ей придётся пройти сквозь их строй. Она увидела, как напряжены, словно сжатые стальные пружины, их мускулистые тела. И опять они проделали этот фокус: почти все из них были сейчас похожи на свою Королеву, только менее крупные. Раз-Два-Сникерс почувствовала, что её ноги как будто парализовало и они сделались тяжёлыми. Крохотный шажок вперёд, в носу резкий запах псины, оружие в руках тоже безмерно тяжёлое… Что ей делать, если они нападут? Стрелять в Хардова? Ведь они в состоянии разорвать её на части в мгновение ока. Она здесь не для того, чтобы стрелять в Хардова, она обязана его спасти. Ещё один крошечный шажок… Но оборотни не обратили на неё внимания, лишь один, мотнув головой, посмотрел на неё, оскалив пасть, но тут же, будто получив сигнал, отвернулся, потеряв к ней малейший интерес. Действительно, как сторожевой пёс, которому подали команду «свои». Раджа почему-то опять покинула её и с радостным курлыканьем устремилась вперёд. Глупая птица что, намерена порхать перед гидами Тихона и не дать им стрелять? Ладно, будем надеяться, она опять знает, что делает.

Раз-Два-Сникерс выдохнула и двинулась вперёд сквозь строй оборотней. Она уже видела мощную спину Королевы и как она поднимается на задние лапы. А потом она услышала:

– Стреляй, Анна. Хорошо, отойди. В сторону! Я сам.

И поняла, что время кончилось. Раз-Два-Сникерс побежала.

6

– …я не шучу. Хотите попробовать, Тихон? – ещё звучало в ушах Рыжей Анны.

Она снова дёрнула головой. И мгновенно почувствовала слабость во всём теле. Но не от этого, исполненного ледяной угрозы великолепного женского голоса. Слабость тут же испарилась. Перед ней был Хардов. Но и это хлопанье крыльев… Радостная решимость стала наполнять каждую клеточку её существования. Анна не знала, что с ней происходит. И почему опять мелькнула картинка, как хорёк Лидия спала, свернувшись калачиком вокруг ворона Мунира. Какая связь… Только нежность, о которой она думала несколько секунд назад, невероятная, беспощадная, восхитительная, была здесь. Рыжая Анна в изумлении посмотрела на птицу, порхающую вокруг неё. Вот, совсем рядом… Незнакомая ей прежде птица, скорее всего, лесная горлица, с необычайно радостным воодушевлением била крыльями о воздух хищного города, обдавая её волнами, которых не забыть, словно просила, требовала: ну же, узнай меня наконец, узнай немедленно! Ну же!

Анна не понимала, что с ней происходит. Только сердце её на миг остановилось, а потом забилось с такой силой, что заставило вкрадчиво прошептать, глядя на лесную голубку нечто немыслимое, что, однако, было правдой:

– Лидия?

7

Тихон смотрел в ледяные глаза женщины-охотницы, которая только что пообещала снести кому-нибудь из них череп. Честно говоря, он не сомневался, что так оно и произойдёт.

«Синие глаза… Синеглазка, – подумал он. – Такой и осталась с детства. Когда мы нашли её в лесу».

– Ты?.. – наконец проговорил он.

Тихон не знал, видел ли он на самом деле, как на мгновение огромный волк превратился в человека, и видели ли это остальные, но указательный палец оставался на спусковом крючке.

– Гид Тихон, – произнесла Раз-Два-Сникерс. – Лучше нас всем сейчас успокоиться. И убрать оружие.

«Ведь ты отступница. Предатель… – Тихон держал ствол в прежнем положении. – И ты готова была пожертвовать собой. Но мне неизвестны мотивы твоих действий».

Периферийным зрением Тихон не выпускал из виду Рыжую Анну. И то невероятно странное, что с ней происходило, озадачило его. Сильно озадачило. Она назвала дикого лесного голубя именем своего скремлина, хотя Лидия была хорьком. Рыжая Анна спеклась, у неё сдали нервы? Нет, здесь что-то не то, что-то совсем другое. И на несколько ближайших минут придётся о ней забыть.

– Я знаю, как ты помогла, – крикнул Тихон Раз-Два-Сникерс. – Все здесь знают.

Замолчал, но и синеглазая охотница не повелась на уловку, не произносила ни звука. Ствол её оружия по-прежнему смотрел прямо на Тихона.

– И Орден гидов в долгу перед тобой, – продолжил он. – Но чего ты хочешь?

– Того же, чего и вы, – отозвалась Раз-Два-Сникерс. – Это Хардов. Волк за моей спиной. Он стал их Королевой. Вы ведь пришли за ним?

Лицо Тихона застыло. Постепенно стало приходить понимание: ведь Фёдор выменял жизнь Хардова у Харона, заплатив перевозчику монетой-королевой. Такого ещё никогда не было. Но ведь и всё, что происходило, происходило впервые. Она может оказаться права. Выросшая девочка, которую они когда-то нашли в лесу.

– Смотрю, тебе много известно о наших делах. – В голосе Тихона ни похвалы, ни угрозы. – Но доверяться в таких вещах… Прости. А если оборотни провели тебя?

Раз-Два-Сникерс невесело усмехнулась:

– Не провели. Уж поверьте. А знаю много от Лии. Она здесь. В Икше.

У Тихона болезненно дёрнулась щека. И Раз-Два-Сникерс успела различить в его взгляде вспышку угрозы, впрочем, сразу подавленную.

– Ну… её призрак, наверное, – поспешила объясниться она. – И от неё я знаю ещё очень много всего. А вам лучше послушать.

А потом горечь в её голосе прорвалась наружу:

– Не вам одному, гид Тихон, была дорога Лия.

Тихон смотрел на неё ещё долю секунды. Синие глаза… Она не врёт. По крайней мере, уверена, что не врёт. Затем он поднял ствол вверх и, осторожно опустив затвор, велел своим людям:

– Убрать оружие. Все остаются на своих местах. – И кивнул Раз-Два-Сникерс. – Рассказывай.

8

Но Рыжая Анна не послушала своего наставника. Она опять его не послушала. Рыжая Анна пошла вперёд. Дикая голубка, радостно курлыкая, порхала вокруг неё. А огромный волк не сводил с Анны немигающего взгляда. А потом он начал, подобно маленькому щенку, переминаться на передних лапах. И ещё тихонечко, словно испуганно и обрадованно одновременно, поскуливать.

«Лия называла Хардова щенком», – вдруг вспомнил Тихон. Она думала, что Тихон этого не знал. Но раз, после долгой разлуки прошептала Хардову на ухо: «Привет, щенок!» А Тихон против своей воли услышал.

– Щенок? – позже весело спросил он Хардова.

Тот пожал плечами:

– Мы по-разному зовём друг друга.

Тихон смотрел вслед Рыжей Анне. «Чёртовы женщины, – подумал он. – Сегодня они точно знают больше меня».

9

– Ну вот, Хардов увёл оборотней за собой, чтобы позволить Фёдору и Еве уйти, – заканчивала свою историю Раз-Два-Сникерс. Она рассказала всё: и о тенях, и о Лии, о странном пугающем симбиозе «Шатун-Юрий Новиков», и о том, как спалила бывшему любовнику мозги, чтобы остановить Шатуна, который стал частью тумана. Подала сигнал ракетницей, и её люди взорвали дверь насосной станции «Комсомольская», где находилось физическое тело Шатуна.

«Вот почему он попал в дурку, – мелькнуло в голове у Тихона. – В госпиталь Косьмы и Дамиана. Игры с туманом смертельно опасны».

– А я знала, сколько у Хардова осталось серебряных пуль, – говорила Раз-Два-Сникерс, – и считала выстрелы. Очень надеялась. Но когда прозвучал седьмой, поняла, что всё кончено. Такое он принял решение – пожертвовать собой. Он спас их, и вот теперь…

Раз-Два-Сникерс замолчала и посмотрела на огромного волка, которого Рыжая Анна обняла обеими руками, да так и застыла, пряча лицо от людей.

«А я видела, как у неё глаза блеснули, – подумала Раз-Два-Сникерс. – По-моему, она тут единственная, кто верит мне безоговорочно. Что ж, Лия права – контур… И, похоже, Раджа-то… Я знаю, чей она скремлин».

Тихон мрачно выслушал её рассказ. Для Главы гидов оставалось очень много неясного. И про этот их контур… Допустим. И странное требование оставить их здесь одних с Рыжей

Анной, потому что присутствие гидов в Икше ослабляло Хардова, и ему будет всё труднее сдерживать оборотней.

– Допустим, – наконец проговорил Тихон. Потом посмотрел прямо в глаза Раз-Два-Сникерс. – Ты говоришь, что Лия… – Его голос прозвучал надтреснуто. – Призрак… появляется ночью?

Раз-Два-Сникерс болезненно хмыкнула, качнула головой:

– Сначала я думала, она снится мне… Ну да, ночью.

– Возможно, я послушаю тебя, и мы уйдём. – Тихон кивнул. – Допустим. Но сначала мы поможем вам укрепить звонницу. И эта горлица, Раджа…

– Лидия, – чуть слышно прошептала Рыжая Анна.

Тихон заставил себя никак на это пока не реагировать. «Я поверю тебе, – подумал он, глядя на Раз-Два-Сникерс. – Когда во всём разберусь сам. И… если увижу Лию собственными глазами. Но не раньше».

А потом всё случилось очень быстро. Огромный волк, скуля, заметался на месте, словно вынужден был выбирать между Рыжей Анной и ещё чем-то… И, не выдержав беспощадного выбора, завыл.

Злобное шипение выползло сюда из марева дрогнувшего воздуха:

– Рыжие волосы, сердце блудницы и глаза убийцы! Я любила его, но ты живая… Живая!

Тихон успел заметить, как потемневший взгляд Раз-Два-Сникерс вдруг застыл:

– Лия, нет! – закричала она. – Лия!

– О господи, – прошептал Тихон.

Пару секунд назад Тихон хотел кое-кого увидеть собственными глазами. Теперь призрак Лии, самой красивой девушки, встреченной им в жизни, был здесь. Хотя за линией тумана солнце ещё даже не подобралось к полудню. Только ничего красивого в ней сейчас не было. Мелькнули растрёпанные волосы, чёрные дыры глаз горели ненавистью на перекошенном лице свирепой фурии, а длинное лезвие складного ножа застыло у самого горла Рыжей Анны.

Глава 5
Несоответствия в Стране Теней

1

Т-*рр-хх, тум-па-акк, т-рр-ккх*

Ева обернулась. Этот трескуче-пустотный звук… Его по-прежнему никто не слышал. Людка шла своим курсом по спокойной воде широкой и открытой поймы, в пенных брызгах преломлялись солнечные лучи.

Туман, конечно, был где-то, но далеко от этого места. Ева встретилась взглядом с Петропавлом, и тот, как всегда, улыбнулся ей:

– Всё в порядке, милая?

– Д-да, наверное.

– Вот уже Строгинская пойма. Обогнём Серебряный Бор и заночуем там. Завтра будем дома. Тебя что-то тревожит?

– Думаю, нет. А… вы говорили про Тень. Ну, водное чудовище, как тогда в Пестово.

– Старшая сестра мамзель Несси? Не стоит её опасаться, Ева. Она живёт где-то там, в глубоких ямах Большого карьера. Но капитаны-раскольники здорово пообломали её прыть, и с тех пор Тень предпочитает не связываться с людьми. Они умные твари, а в Строгинской пойме для неё и так полно живности.

– Хорошо. – Ева кивнула. – А… Я хотела спросить… Она издаёт какие-нибудь звуки? Тень?

– Да, чирикает, как ополоумевший воробей, – рассмеялся Петропавел.

– Вот как… Но ведь и мамзель Несси, когда вы её отогнали от нашей лодки…

– Ну да, вместе с чириканьем обе воспроизводят какой-то звук, – старый гид пристально посмотрел на Еву, – не воспринимаемый человеческим ухом. Но внушающий тревогу. Говорят, Тень когда-то даже умела вызывать панику. Думаю, речь идёт об инфразвуке очень низкой частоты, и думаю, они приобрели эту способность для охоты. – Он чуть покосился в её сторону. – Так что тебя беспокоит, Ева?

– Ничего. – Девушка не заметила, как слегка дёрнула головой. – Ммм… Мне кажется, я её слышу.

– Нет, Ева, исключено, – возразил Петропавел. – Она сейчас спит. Очень активна на закате и ночью. С рассветом становится вялой, если её только специально не раздразнить, а потом уходит в свои ямы и там спит в темноте. Поэтому «Тень».

– Эмм, ну да…

– Если только не болтает во сне, – улыбнулся Петропавел. – Ева, она не представляет для нас угрозы. А в Серебряном Бору у капитанов-раскольников база. Они – друзья. Воспользуемся их гостеприимством для ночлега.

Оба шлюза в Тушине, № 7 и № 8, прошли без приключений. Но, в отличие от всех, что Ева видела раньше, оба оказались двухкамерные, и шлюзование заняло много времени. Зато на выходе из шлюза, там, где канал соединялся с водами Москвы-реки, прямо на берегу взору Евы предстали самые высокие дома из всех, что девушке довелось встречать прежде.

– Какие красавцы, – восхищённо прошептала она.

– «Алые паруса», – пояснил ей Петропавел. – Так назывался этот комплекс зданий. Там всё тихо. Эти дома давно спят.

– Как же возводили такие прекрасные и такие высокие здания? – произнесла Ева. И чуть не добавила следующее: «Как же те, кто возводил такое, могли так всё потерять?»

– Это ещё что: завтра увидишь небоскрёбы Москва-Сити; вот это действительно… высота. – В голосе Петропавла мелькнули уважительные нотки, а потом он хмуро поморщился. – Дальше будет ещё одна высотка, постарее этих. Гостиница «Украина». Вот там может быть жарковато.

– Я помню. «Огненное окно», вы говорили?

– Ну… так гиды Университета прозвали. В состоянии спалить на расстоянии. – Петропавел хрустнул костяшками пальцев. – Природу этого явления выяснить так и не удалось. Обе экспедиции не дали результата. В самом здании ничего нет. И в гостиничном номере, комната «317», даже когда окно активно, наши приборы не уловили изменений. Энергия аккумулируется где-то в другом месте. Учёные Хайтека совместно с гидами работают над этим, но пока…

Петропавел замолчал. Ева мрачно посмотрела на него, постаралась интонации упрёка в своём вопросе сделать незаметными:

– Для этого у вас клетка с голубями?

– Да, Ева, для этого. – Петропавел пожал плечами, говорил спокойно. – Несчастным птицам предстоит сгореть. Стаю поведёт дрессированный голубь – он выживет. Следующий импульс примерно через минуту. Мы успеем пройти. – Петропавел видел, как у девушки дёрнулась щека, и мягко добавил: – Иногда приходится быть жестоким, Ева. А сострадание иногда может привести к ещё более жестоким результатам. Окно забрало уже не одну человеческую жизнь. Но может, завтра всё обойдётся, и голуби останутся целы.

– До следующего раза, – не сдержалась Ева.

Петропавел посмотрел на неё и ничего не сказал.

2

Но, возможно, Тень, старшая сестра мамзель Несси, не спала в этот час, хотя до заката ещё оставалось время. Только когда трескуче-пустотный звук повторился, его не сопровождало никакое воробьиное чириканье.

Т-рр-хх, тум-па-акк, т-рр-ккх

Теперь Ева не вздрогнула, чтобы не привлекать лишнего внимания. Она спокойно обернулась на звук, вслушиваясь. Ей показалось, что он доносился из укрытия, отведённого для неё. Если, конечно, существовал на самом деле, а не был плодом какой-то галлюцинации.

«Тень, – подумала Ева. – Это ты разговариваешь со мной? Поэтому никто не слышит?! – Она мрачно усмехнулась. – Тогда уж хоть чирикни!»

Она устроилась так, чтобы, оставляя в поле зрения укрытие в центре лодки, любоваться берегами. И вскоре отвлеклась. По правому борту был остров Серебряный Бор, густая растительность, песчаные пляжи, явно обжитое место, свободное от тумана. Вскоре за поворотом, поднимаясь над деревьями, показалась сторожевая вышка, и над ней вымпелом реял флаг. Ева узнала его. Видела такой в Пирогово, правда, всего на одной-единственной большой лодке. Это был флаг капитана Льва. Лодка же, как объяснил Петропавел, принадлежала его юной дочери, Акве. Девочка отказалась опустить флаг отца, заменить его полотнищем монахов Возлюбленного братства. А здесь, в бухтах Серебряного Бора, обосновались раскольники, верные своему капитану.

«Мы ведь с Фёдором спасли его, – успела подумать Ева, – капитана Льва. Прервать этот долгий священный сон, блуждание среди теней Лабиринта…»

Сердце тут же наполнила грусть. И она вспомнила о ключе, связывающем *её* Фёдора с другой. Этот странный вестник непонятно чего ей не принадлежал, и она не стала выбрасывать ключ. Но спрятала его на самое дно своего вещмешка.

А потом звук повторился:

Т-рр-хх, тум-па-акк, т-рр-кхх

Ева поднялась на ноги. Звук явно доносился из её укрытия.

– Мамзель Несси, – пробормотала Ева.

Тум-па-а-кк

И теперь громче. Ева сделала шаг вперёд. Громче, и о нём по-прежнему никто не догадывается. Она сделала ещё шаг. И поняла, что если будет стоять тут, как лунатик, то привлечёт лишнее внимание. Ева, держась за борт, обошла навес, раздвинула циновку и вошла внутрь.

Это было здесь. Источник звука. Ева не знала, откуда ей это известно, но…

– Не сестра мамзель Несси, – её собственный голос прозвучал словно откуда-то из пустой бочки. Что-то поменялось в помещении вокруг. Только одна вещь осталась прежней. Её вещмешок. Даже напротив, он как будто сделался ярче, будто бы лишь он один имел смысл среди обесцветившихся предметов.

Т-рр-хх, тум-па-акк, т-рр-кхх

Ева чуть нахмурилась. Склонив голову, она смотрела на свой вещмешок. В глазах застыло выражение какой-то алчности, неведомой прежде. Яркий, как тёмный кристалл. Чувствуя, как всё внутри неё замерло, Ева протянула руку. Вещмешок, к счастью, не пошевелился. Он и не может пошевелиться. Потому что это там – внутри. Руки не дрожали, когда она вытряхивала содержимое наружу, хотя её движения были несколько судорожными. Сложенные аккуратно вещи, она не стала их разбрасывать, только сейчас они не имели значения.

Ключ сам выпал на циновку и свернулся, как маленькая змея. Ключ на шнурке.

Тум-паа-кх

Глаза Евы расширились, но руки, словно против воли, потянулись к ключу. Он не обожжёт и не укусит, вонзив ядовитые зубы, он… Трескуче-полый звук пульсировал в её ушах, как позывные из тьмы, пальцы легонько коснулись ключа, и эта тьма заполнила взгляд.

(ближе)

Ева отдёрнула руку. Но перед этим вместо трескуче-полого звука она услышала другое. Звук, как плохо подогнанные шестерёнки, трансформировался в шершавое шипение, словно резанувшее её мозг изнутри: «Ты всё ближе»…

Ева дёрнулась всем телом, как от электрического импульса. Затем застыла. Повернула голову, быстро озираясь по сторонам. И снова уставилась на ключ. Вот что скрывалось внутри яркого тёмного кристалла. Дыхание Евы сделалось сухим, горячим.

Т-рр-хх, тум-па-акк, т-рр-кхх

Спазм отступил от горла. Ева боязливо посмотрела на пальцы, потом заворожённо на ключ. Не укусит, его яд не здесь, где-то в другом месте. Перед взором поплыла словно предобморочная пелена. Но её рука, и теперь не против воли, опять легла на ключ. И она услышала, как голос из тьмы, голос изнанки мироздания: «Ты идёшь. Всё ближе, ближе… я жду тебя».

3

Нил-Сонов отодвинул от себя расчерченный лист бумаги и посмотрел во тьму за окнами. Сейчас самые короткие ночи, там, над рекой, за стенами Университета. И где-то там, в этой густой тьме, отгадки, только реконструировать события до сих пор не удаётся. Всё вроде бы должно быть очевидно, но что-то всё-таки постоянно ускользает.

«Надо всё же сварить себе крепкого кофе из неприкосновенного запаса», – решил Нил-Сонов. А потом снова посмотрел на лист бумаги, лежащий на столе.

Тварь проникает в Весёлую сторожку, убивает и уходит. Внутри была бойня, кровавое месиво, ни одному человеческому существу не под силу сотворить такое. И ещё запах…

Нил-Сонов в который раз проглядывал схему, что набросал тогда по горячим следам в последний день Чёрной весны Кондрат. У здоровяка, самого сильного гида Университета, оказалось немало скрытых и неожиданных способностей. Твёрдая рука неплохого рисовальщика, прекрасное пространственное видение и каллиграфический почерк были в их числе. И сейчас Нил-Сонов повернул лист со схемой так, чтобы тяжёлая входная дверь сторожки оказалась внизу, а положения тел, – и Николай, грузно навалившийся на стол с вывернутой на 180 градусов шеей, – отмеченные кружками, должны были сложиться в карту маршрута ночного гостя. Тварь проникает, делает свою кровавую работу и, возможно раненая, уходит. Должны были сложиться и никак не складывались.

Нил-Сонов нахмурился, шрам, пересекающий правую половину лица, выгнулся змейкой вокруг глаза. Пулевые отверстия в схеме Кондрата отмечены крестиками; некоторые пули отрикошетили, некоторые застряли в обшивке стены. И то самое главное входное отверстие, из которого кто-то по неясной причине пулю выковырял. Скорее всего, подчиняясь интуиции, Нил-Сонов об этом пока никому не сказал. Только Петропавлу. И теперь с нетерпением ждал Мастера, Главу гидов, потому что…

– Несоответствия, – пробормотал Нил-Сонов, пристально вглядываясь в лист бумаги перед собой.

Тварь проникает в Весёлую сторожку и уходит, но… тяжёлая бункерная дверь не сорвана. А лишь приоткрыта. А как ни крути, если у кого-то хватило сил справиться с массивными стрежнями замков, то уж с петлями и подавно. Но дверь не сорвана. Об этом Нил подумал сразу. Не сорвана, потому что тварь… *впустили*. По ошибке, под воздействием гипноза или намеренно. И если верно последнее, то…

Ночного гостя ждали и впустили, и уже там, в темноте, тварь смогла растерзать троих вооружённых гидов, а затем разделаться с учёными. Кто впустил? Для чего? Похоже, теперь это два разных вопроса, и только начав с первого, можно будет подобраться и ко второму.

Выживших на сегодня двое. Пацан Алёшка и подавшийся в бега Лазарь. Первого, скорее всего, стоит отмести. Раны, полученные Алёшкой, были несовместимы с жизнью. Задержись они немного или выйди на день позже, по графику, парня давно бы уже похоронили в братской могиле. Он ведь почти не подавал признаков жизни, и удивительно, что вообще дотянул до госпиталя. Нил-Сонов видел, как мрачны были лучшие лекари Университета: ничего сказать не можем, состояние критическое, яд твари очень быстро распространился по телу, и шок, отёк лёгких и остановка сердца могут произойти в любой момент. Нил-Сонов видел, и такого не спутать. Но пацан начал выкарабкиваться; правда, даже если всё обойдётся, к врождённым увечьям добавится инвалидность до конца жизни. К счастью, парень всё же медленно, черепашьими шажками пошёл на поправку. И Нил-Сонов ждал этого. Прекрасно понимая некоторую постыдную двусмысленность своего мотива, и не стыдился его. Конечно же, по-человечески он желал Алёшке скорейшего выздоровления, только (Николай с шеей, вывернутой наизнанку!) прежде всего он ждал возвращения единственного уцелевшего свидетеля. Тьма, что вползла с безумием зверя в ту ночь в Весёлую сторожку, подкралась очень близко. Нил-Сонов всегда чувствовал её, Страну Теней. И сейчас она была где-то здесь, между листом со схемой, госпитальным крылом и далёкой Перервинской плотиной. А уж сантименты побережём до более спокойных времён.

Но… не один Нил-Сонов ждал скорейшего выздоровления Алёшки. Или опасался. Был ещё один выживший – Лазарь. И хоть любимчик Хайтека подался в бега, он где-то тут, недалеко, в этой тьме за окнами. И он оказался очень умён, Хайтек прав («При всём уважении,

Нил, вам никогда не поймать его, если он только сам этого не захочет», – и почти неуловимая надменная усмешка на губах), только ведь Лазарь тоже… вестник из Страны Теней. Три дня назад его засекли в госпитальном крыле, ублюдок почти добрался до лазарета, где лежал Алёшка, и цели его не вызывали сомнений. Лазаря обложили, но он сумел улизнуть тогда, видимо, действительно неплохо знает тайные ходы Университета. После этого охрану госпиталя пришлось усилить, а Нил-Сонов даже хотел арестовать Хайтека, но до возвращения Мастера, до возвращения Петропавла, решил не предпринимать резких движений. Да и ни к чему это, что уж теперь… Привыкший к комфорту, вальяжный Глава учёных вряд ли подастся в бега. Не выживет в тумане. Но он явно что-то скрывает. Не только горою встал на защиту своего любимчика, там что-то ещё. И вот когда вернётся Петропавел, Хайтеку придётся выложить всё начистоту, учитывая произошедшее за последние дни.

Нил-Сонов поднялся и почему-то подошёл к умывальнику за шторкой, над которым висело небольшое зеркальце. Палаты у Нила, конечно, царские: и свой умывальник, и даже туалет. А рядом, в переоборудованной бывшей аудитории для лекций, спало тридцать пять человек. Но никто не жаловался. Нил-Сонов посмотрел в мутное зеркало: от бессонных ночей глаза были воспалены, кожа на чисто выбритой голове казалась усталой. Удивительно, но Лазарь где-то заполучил почти точно такой же шрам, только симметричный, пересекающий правую половину лица. Теперь понятна не свойственная учёным склонность ублюдка к боевым искусствам, навыкам выживания и полученное лично у Петропавла разрешение на огневую подготовку.

Нил вернулся к своему рабочему месту. Уселся и снова пристально уставился на схему.

«Ну, что тебе надо было от Алёшки, а, Лазарь? – подумал он. – О чём мог поведать несчастный инвалид? О чём ещё, кроме того, что вроде как очевидно? Что ещё ты пытаешься скрыть, Лазарь? Мне надо постараться думать, как ты, но честно отмечу, друг мой, пока не выходит».

Нил-Сонов откинулся на спинку стула. И снова вспомнил, как вошли тогда в сторожку. Запах

(Страна Теней)

безумия, запах гибели. Он сейчас прокрался сюда. И тьма за окнами словно навалилась, придвинулась вплотную к стеклу.

«У меня тогда мелькнула мысль, – подумал Нил, – что стоило бы пересчитать отстрелянные патроны в магазинах. И она мне показалась странной». Не только это. Ещё одна мысль, гораздо более важная. Связка.

«Два автомата Калашникова и карабин Николая. Другого оружия в сторожке не было».

«Но почему я так решил? Потому что *учёным* оружие не выделяется. Я мыслил по… регламенту, и это было ошибкой. Хотя тревожный маячок внутри звучал и сигналил. Конечно, смену перед отплытием на вахту досконально проверяют, всё заносят в журнал, и всё оружие в Университете на строжайшем учёте. Регламент. И вот появляется пулевое отверстие, в котором нет самой пули. Её выковыряли».

(связка)

Нил-Сонов взглянул на схему: кружочками отмечены тела, крестиками – следы пуль. И вдруг на мгновение перед глазами Нила мелькнул странный рисунок: линии, соединившие кружочки и крестики. Или… то, как их бы хотели соединить.

– Несоответствия, – чуть слышно и хрипло прошептал Нил-Сонов.

Пуля, которую выковыряли. А что, если… Странный ком подкатил к горлу, но сердцебиение всё-таки не ускорилось. А что, если стреляли не по твари? А по гиду, который вёл огонь от входной двери, когда ночной гость уже проник в сторожку?

– Там было ещё оружие, – услышал Нил-Сонов свой собственный голос, – о котором никто не знал.

Слова прозвучали в тишине, как удар хлыстом. Но… эта неожиданная уверенность в голосе, она…

Не было никакого конфуза со случайным выстрелом. По крайней мере, вовсе не следы конфуза пытались скрыть. Там было ещё оружие, которое кто-то пронёс вне всех известных регламентов. И скорее всего, другого калибра. Не «7,62». Не калибра АКМ или карабина Николая. Вот для чего понадобилось извлечь и скрыть пулю. Стрелок был первоклассным, и всё сделал безукоризненно. Но одна из пуль всё же угодила в стену, и он её извлёк. Скрыл. И никто бы ничего не заподозрил, если б Нил-Сонов не просидел так долго, держа руку мёртвого Николая в своей и глядя в пустоту. Оказывается, не совсем в пустоту. Глаз случайно зацепился…

Там было ещё оружие! И это всё меняет. Другого калибра. Вероятно, 9 мм.

– Видимо, пистолет. – Нил-Сонов кивнул. Та же уверенность в голосе. – Иначе бы ствол не пронёс. И этот новый калибр потребовалось скрыть.

По гидам вели огонь из оружия. Твари помогали. А потом следы полученных ран скрыли, устроив кровавое месиво. Следовательно, в спешно захороненных телах…

Нил-Сонов чуть заметно дёрнул головой. Он смотрел на схему. Кружочки и крестики. Они соединяются в линии. Но всё это – враньё. Потому что, вполне возможно, тела потом хладнокровно перенесли. А кружочки и крестики могут образовать совсем другой узор. Реальный, зловещий и такой же больной, как запах безумного зверя, что навестил сторожку в ту ночь. Узор, за которым не будет несоответствий. А будет дыхание Страны Теней, где меняются законы жизни и меняются законы смерти.

– Николай, – прошептал Нил-Сонов. – Мне придётся потревожить тебя ещё раз. Ты ведь простишь меня, старый друг…

Конечно, стрелок мог с тем же хладнокровием извлечь пули из мёртвых тел, чтобы скрыть огнестрельные ранения, но ведь кое-какие несоответствия всегда оставляют следы? Так?!

«Надо дождаться Петропавла, – подумал Нил. – А потом тихо, без лишнего шума провести эксгумацию».

Чёрт, а ведь стрелок даже просчитал, что нам придётся хоронить их там, потому что в лодке не хватит места для живой и мёртвой смены. А на лодке Николая он ушёл оттуда сам. И правда, умён. Только… сколько всего может рассказать небольшое пулевое отверстие, в котором нет пули. Нил-Сонов вдруг понял, где ему придётся искать ответы. В Стране Теней, что опять появилась в его жизни, её вестники уже здесь, где-то рядом. И если она опять успеет распахнуть свои двери… Нил-Сонов крепко сжал кулаки. И понял ещё кое-что. К двум выжившим свидетелям происшедшего (или обвиняемым) можно кое-кого добавить. Это даже заманчиво, коль пошла такая чехарда. Потому что в Стране Теней свои законы. Там, на троне безумия, сложенном из детских лиц и того, чем эти лица стали, восседает Хохочущий Император. И несчастный инвалид Алёшка может оказаться убийцей, а рыцарь без страха и упрёка… Кулаки Нил-Сонова были по-прежнему крепко сжаты.

«А ведь в журнале сторожки есть запись, что Лазарь провёл у них целые сутки».

Старцы… Кем или чем бы они ни были, они знают о Хохочущем Императоре. Старцы Николо-Перервинского монастыря. Эти странные создания, которые выглядят как люди, которых не трогает туман и которые не говорят. А лишь молча смотрят на всё своими сострадательно-непроницаемыми глазами.

– В этот раз всё-таки придётся поболтать, – жёстко процедил Нил-Сонов, глядя на тьму за окнами. И только тихий стук в дверь заставил его кулаки разжаться.

4

– Хайтек?! – изумился Нил-Сонов. Вот уж кого он не ожидал увидеть. – Не спите?

Казалось, Глава учёных и сам смущён. Совершенно седые, цвета благородного серебра длинные волосы сложены в аккуратный хвост. Лицо столь же благородной, почти аристократической красоты, если бы не капризные складки в уголках рта, привыкшего к надменным улыбкам, и вечный огонёк самодовольства в глазах, лишающие это прямо-таки скульптурное лицо обаяния. Впрочем, Хайтек поддерживал себя в прекрасной физической форме. В руках у него была бутылка настоящего коньяка, что выглядело столь же невероятным, как если бы он сейчас заявил, что Великий Университет поглотил туман. Или бы признал, наконец, что его лучший ученик – убийца.

– Доброй ночи, Нил. – Хайтек покрутил в руках бутылку, словно сам себя стыдясь или не веря, что с ним подобное может происходить. – Я вот подумал, не выпить ли нам.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.